

ПОСЕВ

Не в силе Бог, а в правде!

год издания 64-й

#1578

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

**С Днём
защитника
Отечества!**

Мы уходим в степи. Можем вернуться, если на то будет милость Божья. Но нужно зажечь светоч, чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы.

М.В. Алексеев. 22 февраля 1918 г.

№3
2009

Журнал «Посев». Некоммерческое Партнёрство «Издательское, исследовательское и просветительское содружество "Посев"».

127051, Москва, ул. Петровка, 26, стр. 2, оф. 96, тел./факс: (495) 625-92-48

Издаётся с разрешения и при содействии издательства POSSEV GmbH Frankfurt am Main

Главный редактор

Ю.С. Цурганов

Редакционная коллегия:

Г.М. Амнуэль, Ю.К. Амосов, Т.П. Артёмова, Б.Д. Бедросьян, С.В. Волков, А.Б. Горянин, В.Э. Долинин, Е.И. Древинский, Г.В. Кокунько, О.А. Кузнецова, С.М. Маркедонов, Б.С. Пушкирём, А.Р. Редлих, Ю.А. Рыбаков, В.А. Сендеров, В.Б. Славин-Боровский, М.В. Славинский, В.Ж. Цветков, И.Ю. Шауб, А.Н. Шведов.

127051, Москва, ул. Петровка, 26, стр. 2, оф. 96

Ю.С. Цурганову

Телефон/факс в Москве: (495) 625-92-48

E-mail: tsurganov@mail.ru; posevru@online.ru

http://www.posev.ru

Адрес филиала редакции за рубежом: Possev, Flurscheideweg 15, D-65936, Frankfurt a. M., Germany Tel. 34-7355; fax 34-3841. http://www.posev.de E-mail: possev-ffm@t-online.de

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации 29.11.2002 г. Свидетельство о регистрации ПИ № 77-14072

© Некоммерческое Партнёрство «Издательское, исследовательское и просветительское содружество "Посев"».

ISSN 0234-8284

Корректоры *Н.М. Михайлова*

Вёрстка *М.Ю. Родионов*

Мнения авторов не всегда совпадают с точкой зрения редакции. Ответственность за точность приводимых сведений несут авторы. Редакция в переписку с неопубликованными авторами не вступает. Рукописи не возвращаются и не рецензируются. При перепечатке любых материалов ссылка на источник обязательна.

ПОСЕВ

№ 3 (1578) март 2009 г.

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1945 г. в эмиграции, с 1992 г. издаётся в Москве

Содержание:

КОЛОНКА РЕДАКТОРА	2
СОБЫТИЯ И КОММЕНТАРИИ	
Мирослав Костелка. Я люблю вызовы, которые преподносит моя карьера.....	3
ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ	
Александр Вертячих. Плач Калева	5
Владимир Чичерюкин-Мейнгардт. Чья бы корова мычала	8
Григорий Амнуэль. Афганистан	11
Александр Закатов. К чему ведёт «антироманиада»	13
МОСТЫ В ПРОШЛОЕ	
Антон Васильев. Лампочка Государя Императора	18
Михаил Бабкин. 2 (15) марта 1917 г.: явление иконы «Державной» и отречение от престола императора Николая II	21
Василий Цветков. Правовые основы отречения. Допустимость отречения за Цесаревича	25
Михаил Вовк. Неизвестные партизаны	31
Дмитрий Соколов. Обратная сторона победы.....	33
КНИГИ И ЛЮДИ	
Кирилл Александров. Красные партизаны... стали сталинскими спецназовцами	35
Нина Минаева. Взгляд на будущее России	37
Анна Хлебина. Пятьсот страниц, посвященных правде. .	39
ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ	
Елена Кваскова. «Лучшая поэзия — молчание...»	41
ПО СЛЕДАМ НАШИХ ПУБЛИКАЦИЙ	
А. Тараненко. Порт-Артур	43

23 февраля нынешнего года Российская Федерация как всегда торжественно отметила «День защитника Отечества». Президент РФ Дмитрий Анатольевич Медведев сказал: «...Этот праздник давно перерос свои профессиональные качества и стал поистине всенародным, является данью глубокого уважения ко всем, кто сегодня служит Отечеству, кто охраняет суверенитет и национальные интересы нашей страны, кто продолжает её исторические победные традиции... Военная служба в любой стране — и в нашей в особенности — всегда была делом особой государственной важности, делом высокого нравственного значения...».

91 год назад, 25 февраля 1918 года в вечернем выпуске газеты «Правда» была напечатана статья Ленина о событиях двухдневной давности.

23 февраля граждане РФ празднуют «День защитника Отечества» именно в связи с событиями 1918 года. Раньше этот день назывался «Днём Советской армии», а до того «Днём Красной армии», поскольку 23 февраля 1918 года Красная армия якобы совершила свою первую победу под Псковом и Нарвой.

Но статья Ленина называется «Тяжёлый, но необходимый урок». Цитата: «...мучительно-позорные сообщения об отказе полков сохранять позиции, об отказе защищать даже нарвскую линию... не говоря уже о бегстве, хаосе, близорукости, беспомощности, разгильдяйстве». Это легко проверить. Статья включена в полное собрание его сочинений. Но это не мешало советским, и не мешает постсоветским мифотворцам десятилетиями морочить людям голову.

23 февраля 1918 года красноармейцы под командованием Дыбенко не одерживали победы под Псковом и Нарвой над войсками кайзера Вильгельма, они позорно бежали вместе со своим командиром, даже не вступив в боевое соприкосновение с противником. Дыбенко потом исключили из партии.

Но 22 февраля 1918 года отправилась в свой первый — «Ледяной», Кубанский поход Добровольческая армия, Белое движение начало свой боевой путь. Генерал Михаил Васильевич Алексеев написал в тот день: «Мы уходим в степи. Можем вернуться, если на то будет милость Божья. Но нужно зажечь свеч, чтобы была хоть одна светлая точка среди охватившей Россию тьмы».

Что и когда стоит праздновать в качестве дня защитника Отечества?!

24 февраля нынешнего года руководитель министерства по чрезвычайным ситуациям (МЧС) и сопредседатель высшего совета партии «Единая Россия» Сергей Шойгу предложил ввести уголовную ответственность за «отрицание победы СССР в Великой Отечественной войне». Он подчеркнул, что на пространстве бывшего Советского Союза отрицают итоги Великой Отечественной войны, заслуги и подвиги всего советского народа. «Я считаю, что нашему парламенту, — заявил Шойгу на встрече с ветеранами войны (в Волгограде), — надо принять закон, который бы предусматривал уголовную ответственность за отрицание победы СССР в Великой Отечественной войне, и тогда бы президенты некоторых стран, отрицающие это, не смогли бы безнаказанно приезжать в нашу страну. А мэры некоторых городов, прежде чем сносить памятники, несколько раз подумают об этом». Принятие такого закона, по мнению министра, предоставит «возможность защитить нашу историю, подвиг наших отцов и дедов». 25 февраля предложение Шойгу поддержал Генеральный прокурор Юрий Чайка, считающий отрицание роли советского народа «как минимум нарушением норм нравственности и морали».

Тезис «Советский Союз победил в Великой Отечественной войне» является идеологическим стереотипом, рожденным в сталинские времена. Во II мировой войне, составной частью которой была война на советско-германском фронте, победили страны антигитлеровской коалиции. Вместе. Намерение рассматривать войну Советского Союза с Германией изолированно от II мировой войны, равно как и попытка обособить усилия СССР от усилий союзников, свидетельствует о живучести стереотипов, от которых пора избавляться.

*Мирослав Костелка***Я люблю вызовы, которые преподносит моя карьера...**

Мирослав Костелка. Родился 31 января 1951 г. В 1969–1974 учился в Военной академии в г. Брно по специальности техническое обеспечение аэродромов. В 1985 окончил Высшие академические курсы той же академии. 1986–1987 послеузовские курсы по оперативной подготовке. 1996–1997 NATO Defence College в Риме. 1974–1976 штабфицер батальона. 1976–1980 командир батальона. 1982–1987 заместитель начальника тыла Противовоздушной обороны ВС ЧР. 1987–1992 заместитель командира ВВС и ПВО ВС ЧР. 1992–1993 начальник Главного Управления тылом ВС ЧР. 1993–1998 инспектор логистики Армии Чешской Республики (АЧР). 1998–2002 атташе по обороне ЧР при Посольстве Чешской Республики в Канаде, заместитель начальника Генерального Штаба АЧР – начальник штаба, генерал-лейтенант, первый заместитель начальника Генерального Штаба АЧР. С 2003 – первый заместитель министра обороны ЧР, министр обороны ЧР, директор Секции премьер-министра ЧР.

— *Уважаемый господин Посол — Чехия первая страна бывшего СЭВ, ставшая председателем ЕС, каковы планы, уровень ответственности и ожидания от времени Председательства?*

— Спасибо за Ваш интерес. Вы абсолютно правы, если не учитывать Словению, в прошлом 2008 году — она была частью СФРЮ, которая, разумеется, не входила в СЭВ — и занимала особое мес-

то, то конечно чешское председательство в Евросоюзе этой точки зрения особенная вещь. И всё же я бы не стал преувеличивать последствия нашего общего прошлого. Существенная часть трансформации экономики и общества Чехословакии и впоследствии Чехии осуществлялась ещё в рамках процесса вступления в Европейские институты. Несправедливы те критики, которые иногда упоминают о возможном не полном взаимопонимании в Евросоюзе со стороны новых и старых стран-членов. Это просто неправда. Наши планы не отличаются от планов «старых» председателей, уровень ответственности одинаков и на самом деле, мы постараемся помочь в преодолении шаблонного деления Европы на «старую и новую». В этом смысле мы получаем безоговорочную поддержку всех «новых» членов.

Европе нужно предложить возможность спокойно поработать на углубление экономической и социальной интеграции и заодно нужно дать государствам-членам возможность развивать свой демократический строй и свои специфические институты. Чехия, как небольшое государство Европы, представляет миру Европу единую и целую — включая и те её части, которые, несмотря на своё желание, пока не смогли присоединиться и жить вместе.

— *Чехию и Россию связывают многолетние отношения. После 1917 года Чехия — Чехословакия стала прибежищем для многих российских политических эмигрантов, русские сыграли серьёзную роль в освобождении Праги в 1945 году, но были и трудные процессы 1948 и 1968 годов, в которых роль нашей страны, тогда СССР была далеко не однозначной. После падения социализма многие россияне уже по экономическим причинам выбрали для постоянного или временного проживания Чехию.*

Как в сегодняшней Чехии оценивают все эти процессы, и как живётся россиянам в Чехии?

— Прочитую слова нашего Президента Вацлава Клауса, который наши двусторонние отношения приравнял к поездке на автомобиле. Всем ясно, что надо смотреть вперёд через лобовое стекло. Тем не менее, не помешает, и иногда важно, посмотреть и в зеркало заднего вида. Тут и размер стёкол показателен.

Вы правы, действительно, традиции у российской эмиграции в Чехию есть большие. Моё личное пожелание россиянам чтобы им в Чехии жилось так, как сами захотят и заработают. Чехия — свободная страна, которая обеспечивает равные возможности всем её гражданам, и людям с постоянным проживанием в нашей стране. Если россияне соблюдают наши законы и правила, то они у нас

03/2009

приветствуются, в чем они сами, наверно, убеждаются повседневно.

— *Чешские университеты и, прежде всего, старейший в Европе, Карловский Университет предлагают много интересных программ обучения. Двери Высшей, академической Школы широко распахнуты для иностранцев. Почему Чехия идёт по этому пути, и что выигрывают учащиеся, а что Чехия?*

— Двери наших Университетов открыты для всех желающих учиться на чешском языке, кто сдаст единые вступительные экзамены. На платной основе можно также получать образование и на других языках, прежде всего на английском. Это сознательный и правильный выбор небольшой страны, которая может экономически позволить себе предоставлять бесплатное, конкурентоспособное, обучение в государственных вузах, и заодно «приобретать» образованных людей со знанием чешского языка. При этом они либо остаются в Чехии, либо возвращаются обратно на родину. Думаю, это неплохой вклад во взаимопонимание между государствами, в том числе и с Россией.

— *Нельзя не коснуться проблемы размещения на территории Чехии американских локаторов-баз слежения. Известно, что и в чешском обществе к этому отношению не однозначное, тем более в России. Чем продиктовано решение чешских властей, и каковы перспективы развития этой ситуации?*

— Напомню, что полного решения чешских властей по поводу согласия на размещение радара США на территории Чешской Республики пока дано не было. Нужно одобрение подписанных правительством договоров в Парламенте Чешской Республики. Правительство, тем не менее, поддерживает предложение США, нашего ближайшего союзника, исходя из национальных интересов — в потребности защитить себя и союзников от ракетных угроз из Ближнего Востока. Тут всё ясно, и мы продолжаем настаивать на том, что любое решение Чехии не нацелено против Российской Федерации. С другой стороны перспективы развития ситуации зависят исключительно от США и решения продолжать или останавливать проект новой администрации президента Барака Обамы.

— *Что выиграло или проиграло чешское общество при вступлении Чехии в европейские и международные институты (ЕС, НАТО, Шенгенскую зону)?*

— По моему мнению, вступление в ЕС и НАТО — воплощение мечты наших предков — то есть быть составной и неотъемлемой частью культурно-социального и главное демократического пространства Европы, в котором чехи хотели всегда жить. В Европе благодаря этим общим институтам все могут чувствовать себя в безопасности и могут развивать свои способности. Например, свобода передвижения в Шенгенском пространстве ЕС, для людей, которые помнят «железный занавес», это наверно похоже на чудо.

Разумеется, это предполагает ещё и иные требования, стандарты, но это является скорее вызовом, чем проигрышем. Чехам приходится теперь больше договариваться со своими соседями и другими членами ЕС, конкурировать с ними в большой Европе, а также приносить свои идеи развития Европы. Надо добиваться европейского признания как успешных и умных людей.

— *В конце XX века Чехословакия практически мирно разделась на Чехию и Словакию, по чему раздел был мирным? Каковы теперь отношения между двумя странами и двумя народами?*

— На мой взгляд, процесс был настолько мирным, насколько были мирные настроения его участников. Словаки и чехи не могли себе представить вооружённые разборки, вот они и не произошли. Главное, вопрос возможного разделения Чехословакии был с самого начала политически купирован. Только после мучительных переговоров политики пришли к выводу, что распад федеративного государства неизбежен. Время также показало, что наши отношения со словаками не ухудшились, а приобрели неоспоримую равноправность. Опыт успешной трансформации и одновременного вступления в Евросоюз показывает, что распад Чехословакии уже не тема ни для Словаков ни для Чехов. Мы чаще о нём слышим за рубежом.

— *В мире обостряются межнациональные отношения, в чём секрет чешского национального мира, ведь в Чехии живут не только чехи?*

— Я бы не сказал, что Чехию обходят проблемы межнационального сосуществования. Наоборот, мы только приходим к ситуации, когда интерес жить в нашей стране повышается, и иностранцев становится больше. Вообще-то, считаю, что как в Европе, так и в России нужно тщательно изучать любые проявления межнациональной розни, которая способна разрушить и общество, и доверие людей к государству. Люди должны привыкать жить вместе, но это должно быть приятно для всех. В Европе эта проблема традиционно касается ситуации внутри государств и межгосударственных отношений.

— *В центре Праги расположено здание, в котором работает Радио Свобода, почему Свобода переехала из Германии в Чехию?*

— Насколько знаю, после правления коммунистов, в 1990 году демократично избранные лидеры Чехословакии хотели сохранить роль Радио Свобода как некоего эталона профессионального образования свободных СМИ в странах Центральной и Восточной Европы. В 1995 году в связи с урезанием финансирования в Германии Президент Чехии Вацлав Гавел и тогда наш премьер-министр Вацлав Клаус предложили радиостанции переехать «символически» в здание бывшего Федерального Собрания ЧССР, в котором уже не было необходимости. Станция до сих пор работает в Праге и продолжает свою миссию в странах, где сохраняется дефицит свободы для работы местных СМИ.

— Как Вы оцениваете чешско-российские отношения и их перспективу развития?

— Чешско-российские отношения будут, на мой взгляд, развиваться успешно — стандартным образом отношений между важным соседом Евросоюза и его страной-членом. И Россия, и Чехия прекрасно знают о взаимных возможностях для экономического сотрудничества, которые должны развиваться на благо наших народов.

Очень важно поддерживать развитие наших культурных связей. Мне кажется, что Чехия не претендует на роль строителя моста понимания между Востоком и Западом, но готова всячески способствовать этому строительству и нахождению понимания между обеими сторонами. Мне лично бы хотелось, чтобы наши политические отношения не зависели от политической конъюнктуры и настроения лидеров, но исходили исключительно от реального желания наших граждан находиться в дружеских отношениях друг с другом.

— Что любит и что не любит Посол в своей работе и в своём пребывании в Москве?

— Самый сложный вопрос, наверное. Я люблю вызовы, которые преподносит моя карьера, работа

дипломатом, и тем более Послом в Москве. С одной стороны, я могу быть свидетелем перемен и развития центра России и ее регионов, поскольку чешский бизнес активен в разных местах, что приятно. С другой стороны, чешско-российские политические отношения не переживают самые лучшие времена. Мне хочется поддерживать потенциал их скорейшего восстановления в режиме конструктивного и взаимовыгодного диалога при первой возможности.

— Спасибо большое за Ваше любезное согласие ответить на вопросы журнала «Посев», а что Вы можете пожелать нашим читателям, как в России, так и за рубежом, в том числе и в Чехии.

— Спасибо и Вам, с удовольствием. Желаю читателям «Посева» где бы они не находились здоровья и успехов в личной жизни. Мое пожелание, чтобы они сами привносили свою лепту в дискуссию между чехами и россиянами и не побоялись активно эти отношения развивать. А что касается энергетических, или иных экономических проблем, то я верю, что при диалоге они преодолимы и разрешимы для всех сторон.

ОБЩЕСТВО, ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ

Александр Вертячих

Плач Калева

ЧТОБЫ СОСТРАДАТЬ РУССКИМ В ЭСТОНИИ, НАМ НУЖНО ПОНЯТЬ, КТО ЖЕ МЫ САМИ

Каждый народ жив своей культурой. У соседней Эстонии есть древний культурный стержень — эпос «Калев», своего рода продолжение карело-финской «Калевалы». Согласно эстонскому сказанию, сын былинного персонажа Калева — Калев Пойка — отправился за море в поисках счастья. Подобно древней сказке, сегодня сыны эстов встретили на балтийской земле сынов русичей. Теперь главное — найти путь друг к другу именно это, во многом, и определит будущее двух народов. Недавние события вокруг памятника на Тынисмяги и то, как это освещала центральное российское телевидение, ничего, кроме слез и горести, вызвать не могут. А то, что происходит сегодня между эстонцами и русскими, живущим в стране Калева, затрагивает и петербуржцев. И вовсе не потому, что нам нужно броситься защищать кого-то от «врагов». Нам самим пора осознать, кто мы и что должны делать у себя дома.

Другие русские

Занимаясь историей северной Руси и финно-угорской, автор этих строк давно хотел приблизиться к разгадке тайны взаимоотношений русских и финно-угорских народов. Есть только одна страна, где эти отношения вышли на государственный уровень — Эстония. Ни Швеция, ни Финляндия не имеют такого опыта сосуществования двух этносов

со столь разными языками, историей, менталитетом. Культуры различны, но в чем-то близки — ибо не может бесследно пройти тысячелетнее соседство русских и эстонцев. Небольшую командировку в страну Калева предваряли полгода подготовки: я искал друзей, готовил программу, максимально насыщая ее полезными встречами. В результате за 4 дня провел более 30 диспутов с русскими и эстонцами, представителями интеллигенции и менеджерами, с простыми гражданами и чиновниками таллинской мэрии. Побывал в Таллине, Тарту, Выру — это почти вся Эстония.

* Статья написана по результатам журналистской поездки, готовилась для «Санкт-Петербургских ведомостей» но напечатана не была.

Вещевой рынок в центре Таллинна. Здесь говорят по-русски и принимают к оплате банковские карты

Чтобы понять эстонцев, нужно знать их историю. В отличие от финнов, которые никогда не были рабами, эстонцы постоянно попадали в крепостную зависимость: сперва от немцев и датчан, потом — от шведов (в более мягкой форме), затем — от Российской Империи. Только в XIX веке эстонцы получили относительную свободу. И тут же начался подъем национального самосознания. Тартуский университет стал одним из лучших в Европе, сюда за глотком свободы съезжались выдающиеся русские ученые. На стыке с карело-финской «Калевалой» возник эстонский эпос «Калевипоэг», проводились грандиозные песенные праздники.

В начале XX века Эстония впервые в своей истории получила независимость. Ненадолго: будучи на острие геополитических противоречий, в 1939 году она потеряла суверенитет, вернув его лишь в 1991-м. Не удивительно, что именно в эти годы произошел «этнический ренессанс».

В это время эстонские русские действительно переживали не лучшие времена: СССР распался, в России они давно стали чужими, а родная Эстония оказалась суверенной европейской страной с государственным эстонским языком. В начале 1990-х немало местных активистов ратовало за введение второго государственного языка — русского. Но эстонцам это казалось угрозой независимости — столько веков они пытались освободиться. Впрочем, «эстонские русские» постепенно успокоились: ведь большинство из них и так знали эстонский, да и молодежь быстро его выучила. Что до России, то она тогда так и не «повернулась передом» (подобно сказочной избушке на курьих ножках) к русским в Эстонии.

«В начале 90-х многие семьи военнослужащих в Палдиски хотели уехать в Россию, — рассказала мне руководитель таллиннского клуба русского романса Ольга Бундер. — Я, как могла, отговаривала их от этого шага. Что вышло в результате? Кто уехал и не «сжег мосты» — вернулся. А кто «сжег»... Многие очень сожалеют. Ведь в России (в родной стране!) они оказались совсем чужими, фактически иностранцами. Бывали случаи, когда их дома под-

жигали, потому что считали эстонских русских не русскими, а иммигрантами из-за границы».

«Говоря о русских в Эстонии, нужно понять одну простую вещь. Да, мы — русские. Но мы — другие русские, — продолжила руководитель таллинского дома детского творчества «Канутайя» Валентина Бассова. — Мы привыкли к порядку, культуре, определенной манере общения. Оставаясь русскими, мы стали европейцами».

Больше всего отличий в культуре быта. И в прежние времена Прибалтика слыла «советской заграницей», где на улицах чисто, потому что не мусорят. Сейчас же Эстония — страна скандинавского уклада жизни, и местные русские впитали и скандинавский порядок, и сдержанность, и аккуратность. В России, по словам моих собеседников, на русских из страны Калева смотрят как на иностранцев.

Лечебное кровопускание

Так получилось, что я оказался в Таллине в годовщину переноса «Бронзового солдата». Ожидания неординарных событий не оправдались: в Старом Городе пышным цветом расцвела лишь продажа советской символики: шапки-ушанки, фуражки и тельняшки. Все шло «на ура». Веселых интуристов по городу катал старенький автобус марки «КаВЗ» с надписью: «Soviet Tallinn». Ветераны же торжественно возлагали цветы памятнику, который стоит на новом месте. Тем более что с общественным транспортом в столице Эстонии проблем нет (нам бы в Питере такую организацию движения).

«Год назад я видела все своими глазами, — рассказала соседка по столику в кафе, которую удалось «раскрутить» поговорить на столь щекотливую тему. — Наблюдала, как одни кидали камни в витрины, а другие кидали палки в тех, кто громил магазины. Через полчаса эти же русские и эти же эстонцы спокойно стояли в одной очереди за кофе».

А что в это время показывало московское телевидение? Революция! Таллин в огне! На самом же деле было так: одни циничные политики в Эстонии решились на действительно очень непродуманный

Дом Достоевского в Таллине

шаг по переносу памятника советскому солдату-освободителю, а другие (не менее циничные) политики из Москвы решили разыграть эту карту в своих интересах. И кто в итоге выиграл?..

«Больше всего досталось русским в Эстонии, — сказали мне работники таллинского порта. — Именно они пострадали от сокращения экспорта леса и нефти из России, последовавшего после «бронзовой ночи». Именно русские работали в порту Мууга, равно как и во всей системе логистики, связанной с Россией. Большинство из них оказались тогда безработными».

Эти факты подтверждали и другие мои собеседники. Самое страшное — что «внизу», на производстве, в фирмах и учреждениях, между эстонцами и русскими вновь пробежала «черная кошка». Каждый стал разговаривать на своем языке, «подвисли» вопросы продвижения по служебной лестнице. Пошатнулся достигнутый немалыми усилиями паритет между русскими и эстонцами. Разве так мы хотим помочь соотечественникам?

Может, от «бронзовой ночи» выиграли Петербург и Ленинградская область, получившие в свои порты новые грузы? Некоторая часть товаропотоков действительно ушла в Усть-Лугу или Приморск. Но львиная доля российских грузов перекечевала из Эстонии... в Латвию. Как-то некстати на этом фоне выглядят сообщения прессы о подсчете в Риге ущерба от «советской оккупации». Опять будем дважды наступать на старые грабли...

«Как бы странно это ни звучало, но Эстонии был нужен системный кризис, — сказал мне журналист из газеты «Паевалехт» Андрес Реймер. — Нам давно пора было переориентировать грузопотоки, забыть о транзите нефти и «кругляка» из России. Мы живем в XXI веке — значит, во главу угла должны быть поставлены современные логистические решения, например — хорошее паромное сообщение. Экономика постепенно разворачивается в сторону «хайтека», инновационных отраслей. В Эстонии открылось много филиалов крупных мировых компаний — ведь тут благоприятный инвестиционный климат. Да и низкая коррупция тому способствует».

Слово «коррупция» для России уже почти что в диковинку. Куда понятнее родные термины: «откат», «блат», «связи», «процент» и «заслать бабло». И именно эти термины — основа нашей «высокотехнологичной» экономики. Наши СМИ любят порассуждать о том, что «В Эстонии нет ничего, кроме границы с Россией». Побывав там, с полной ответственностью скажу: «Ерунда полная». Эта страна граничит не только с Российской Федерацией; ее главное богатство — море (почему, собственно, за край Калева и воевали последнюю тысячу лет). В последние годы усиленно развивается «вертикальная ось»: Финляндия — Эстония — Прибалтика — Польша и далее в Западную Европу. Вот для чего реконструируют порты под «ро-ро» и паромы, вот зачем нужны новые шоссе на юг от Таллина.

Два дуба (в центре кадра) согласно легенде посадил в Таллине сам Петр I. Горожане благодарны ему за это до сих пор: ранее сажать деревья внутри городской стены запрещалось

Кстати, Петербург мог бы взять на себя часть этих грузопотоков. Но из-за проблем с таможней любая транзитная логистика через Россию в Евросоюзе считается невозможной. Для тех, кто не знает: большую часть дорогих автомобилей для РФ привозят не в Петербург и не в Калининград. Их разгружают в Эстонии, после чего доставляют в наши края трейлерами. Такая вот логистика.

А Гондурас не беспокоит?

Каков же «сухой остаток» от «бронзовой ночи» и эскалации напряженности в отношениях между

Православные церкви в Эстонии

03/2009

Россией и Эстонией? Наше центральное телевидение усердно строило «бронзовую стену» между двумя странами. Но получилось все наоборот: стена встала не между эстонцами и русскими, живущими в Эстонии, а между нами и ими — русичами из страны Калева. Оттуда все происходящее в России кажется вторжением в жизненный уклад и обычаи эстонских русских. О чем, скажем прямо, нас никто не просил.

«15 лет «эстонские русские» налаживали контакт с эстонцами, — говорили таллинцы. — Россия нам не помогала. И вот, спустя много лет, мы испытали настоящий шок: эстонцы с подозрением смотрят на русских, и наоборот. Кое-где на работе начинают нарочито общаться по-эстоски, хотя русский знают все. В других местах — наоборот, русские собираются «в кучки». Но мы уверены, что все это скоро пройдет, как ушла «бронзовая ночь».

Действительно, сегодня жителей Эстонии куда больше тревожит мировой экономический кризис (многие взяли выгодные ипотечные кредиты — и теперь по ним надо платить). А вот московские телеканалы все муссируют и муссируют «бронзовую тему». Уж ни новая ли это кампания по поиску внешних врагов и бедных друзей, ради помощи которым нужно «сомкнуть ряды» и «затянуть пояса»? Читатели постарше вспомнят, наверное, Гондурас, помогать которому был обязан каждый советский гражданин. «Внешний враг» — явление сугубо практичное. Внутреннего, так сказать, употребления. Пока у «русского мужичка» душа болит о разных гондурасах, у него прямо под носом «барин» может спокойно его обкрадывать. Не платить до-

стойную зарплату. Воровать бюджетные деньги. Монополизировать экономику.

Возвращаясь к теме статьи, хочется отметить: у русских в Эстонии проблем действительно много. Но это их, эстонские, проблемы. В смысле, проблемы и этнических эстонцев, и русских, живущих там. А не петербуржцев или мурманчан. Одна из таких проблем: из-за низкого числа носителей эстонского языка в уезде Ида-Вирумаа нельзя наладить качественное обучение государственному языку в школах. Русский же язык преподается в Эстонии повсеместно, причем хорошими учителями. Мне не удалось найти ни одного таллинца, который бы не говорил по-русски. Любой продавец магазинчика в старом городе говорит на четырех или пяти языках — эстонском, русском, финском, английском. Интересно, а много ли работников нашей сферы обслуживания изъясняются по-английски, не говоря уже о финском или эстонском? Вопрос, что называется, риторический.

Подведем итоги. У русских в Эстонии — свои проблемы, у нас — свои. На мой взгляд, петербуржцев должны тревожить ужасное состояние наших дорог, катастрофический рост цен, удаленность власти от народа, разрушение памятников архитектуры, неуважение к истории родного города и всего нашего края в целом. Вот за что нам и надо бороться, в противном случае петербуржцы останутся лишь в эпосах «Питер Пойками», как сказали бы древние эсты. Надеюсь, этого не случится. Только если мы будем думать о своем городе, а не распылаться на «гондурасы».

Владимир Чичерюкин-Мейнгардт

Чья бы корова мычала

Периодически российские СМИ с хорошо поставленным праведным гневом в голосе комментируют встречи в странах Балтии ветеранов второй мировой войны воевавших против СССР на стороне нацистской Германии. Особый упор дикторами российских СМИ делается на то, что встречаются старики — эстонцы и старики — латыши, служившие в подразделениях СС. Расчёт здесь делается на то, что у всякого русского человека слова «эсэсовец», «войска СС», вызовут негативную реакцию. Это касается в первую очередь людей старшего и среднего возраста, у тех, кто участвовал во второй мировой войне, пережил её, или получил стопроцентно советское воспитание. Для этих людей «эсэсовец» и «преступник» — есть слова-синонимы. Тем более, что международный трибунал в Нюрнберге квалифицировал СС как преступную организацию.

Что же касается стран Балтии, то в годы второй мировой войны в занятой германскими войсками Латвии были сформированы две Ваффен-гренадер-

ские дивизии СС. В соседней Эстонии — одна. В Третьем Рейхе Ваффен-гренадерские дивизии СС формировались как аналог элитным боевым армейским подразделениям. Они таковыми и зарекомендовали себя в ходе второй мировой войны. Вместе с тем, их солдатам и офицерам была присуща крайняя жестокость. Дивизии СС использовались для проведения антипартизанских акций. А, как известно, на протяжении всей истории, партизанская и соответственно антипартизанская война ведется без соблюдения правил и с обоюдной жестокостью противоборствующих сторон.

Дивизии, укомплектованные жителями Латвии и Эстонии вошли в систему Ваффен СС, не считая того, что с 1941 года на оккупированных территориях формировались охранные, караульные, полицейские батальоны из местных жителей¹.

Появление среди участников второй мировой войны латышей — эсэсовцев и эстонцев — эсэсовцев, было обусловлено многими причинами. У ты-

сяч молодых эстонцев и латышей побудительным мотивом были антисоветизм и антикоммунизм, которые трансформировались в русофобию.

Своего рода науку ненависти гражданам прибалтийских государств, преподали советские карательные органы в 1940–1941 годах. Безусловно, кое-какой опыт общения с советским режимом у старшего поколения эстонцев и латышей был накоплен в конце 1918 — начале 1919 годов. Произвольные обыски и аресты, бессудные расстрелы и даже массовый расстрел узников во дворе Рижской тюрьмы, остались в их памяти не более чем мрачным эпизодом. По настоящему с советской властью, с советской государственностью, эстонцы, латыши и литовцы, начали знакомиться в 1940 году. Репрессии НКВД против граждан Балтии, включая массовые депортации в 1941 году, во многом предопределили их выбор в 1941 году. Стоит ли после этого удивляться, глядя на кадры старой кинохроники, запечатлевшие местное население радостно встречающее германские войска в Литве, Латвии и Эстонии. Как писал офицер Вермахта В. Штрик-Штрикфельдт: «Латышские и эстонские патриоты, создав партизанские группы, поддерживали немецкие фронтовые части; бойцы латышского Охранного корпуса вместе с немцами регулировали движение, когда первые германские танки входили в Ригу»².

Справедливости ради, следует сказать, что в Третьем Рейхе было распространено мнение о том, что эстонцы и латыши, в отличие от своих соседей литовцев, подверглись сильному влиянию со стороны германцев, или, попросту говоря, онемечиванию, на протяжении нескольких веков. Начало этому процессу было положено ещё в эпоху крестовых походов и получило дальнейшее развитие в ходе германской колонизации Ост-зейского края. Поэтому германские власти относились к латышам и эстонцам, как к полноценным европейцам, в отличие от русских. Более того, эстонцы и латыши считались близкими по крови, по духу, по культуре к самим немцам³. За столь высокую оценку, эстонцы и латыши отплатили немцам союзнической верностью. Когда в 1944 году советские войска окончательно сняли блокаду с бывшей столицы Российской империи Петербурга, называвшегося в то время Ленинградом, германские войска отступили сначала в Эстонию, а потом в Латвию. Часть немцев была отрезана советскими войсками от основной массы германских войска и до конца войны сражалась в окружении на территории Курляндии в Латвии. В составе окружённой группировки германских войска, получившей название «Курланд», или «Курляндия», наряду с чисто немецкими воинскими частями, были и воинские части, укомплектованные латышами. Прижатые к побережью Балтийского моря, отрезанные от Германии фронтом и морем, немцы и латыши сражались в окружении до мая 1945 года. Спротивление группировка «Курляндия» прекратила лишь

после капитуляции собственно самой нацистской Германии.

Получив сообщение о капитуляции Германии, солдаты и офицеры «Курляндии» открыли ураганный огонь по позициям советских войска из всех видов оружия. За огнём последовали массовые самоубийства солдат и офицеров. Многие стрелялись, предварительно оставив себе последний патрон. Другие, расстреляв последние патроны, вошли в море, не желая сдаваться в плен. Удаляясь всё дальше и дальше от берега, они упрямо брели вперёд, до тех пор, пока волны Балтики не смыкались над головой.

Но некоторым из состава обречённой группировки «Курляндия» тогда удалось просочиться через боевые порядки советских войска и уйти в леса с оружием в руках. В первую очередь это были латыши, служившие на стороне Германии. Они-то и составили костяк отрядов «лесных братьев», ещё долгие годы партизанивших на территории Латвийской ССР. Отряды «лесных братьев» действовали и на территории Эстонии и Литвы. И вряд ли найдёт общий язык со своими соплеменниками из числа «лесных братьев» бывший полковник бывшей Советской армии В.И. Алкснис, ныне порядком позабытый персонаж времён перестройки.

Причём латыши не только партизанили в тылу советских войска и сражались в окружении в Курляндии. Среди последних защитников цитадели Берлина сражавшихся на улицах германской столицы в апреле 1945 года, были не только немцы³.

Во всём этом сюжете второй мировой войны, интересном самом по себе, у любого мало-мальски любознательного человека может возникнуть желание узнать, что из себя представляли сами прибалтийские эсэсовцы и в первую очередь их командиры.

Среди них были очень разные люди. Наравне с откровенными русофобами, среди них встречались и убеждённые антикоммунисты, сражавшиеся против тех, кто разрушил Российскую империю. К таковым относился Рудольф Карлович Бангерский, или Бангерскис, родившийся в Лифляндии в 1878 году. Он стал кадровым офицером Русской императорской армии. Участвовал в Русско-японской войне 1904–1905 годов. После войны окончил 2 класса Николаевской военной академии. В годы Второй Отечественной войны 1914–1918 годов русский офицер Бангерский доблестно сражался против германцев. За две войны он был награждён несколькими боевыми орденами, солдатским георгиевским крестом и георгиевским оружием. После захвата власти в России большевиками и развала Русской армии, полковник Бангерский уехал на Урал. В начале 1918 года в Екатеринбурге его настойчиво уговаривали поступить на службу в Красную армию РСФСР комиссар Аппельбаум. Бангерский отклонил настойчивые предложения красного комиссара, ссылаясь на то обстоятельство, что он по национальности латыш, а, следовательно, является иностранцем. После того, как на Урале и в Си-

03/2009

бири советская власть была свергнута, полковник Бангерский поступил на службу в армию Верховного правителя России адмирала А.В. Колчака. До ноября 1920 г. служил в армии Дальневосточной республики — ДВР. В конце 1920 г. Р.К. Бангерский вернулся с Дальнего Востока в Латвию. Здесь он был призван в Латвийскую армию и закончил службу в чине генерала в 1937 году. В 1940–1941 годах он был вынужден скрываться на хуторах, вплоть до прихода немцев. Довольно скоро им заинтересовались немцы и постарались привлечь его на службу. В 1942–1945 годах генерал Бангерский был генеральным инспектором Латвийского легиона. Легион насчитывал свыше 30 тысяч человек и состоял из 15-й и 19-й дивизий Ваффен СС⁴. После капитуляции Третьего Рейха он избежал выдачи советской стороне, поскольку никогда не был гражданином СССР и на него позорные Ялтинские соглашения не распространялись, как впрочем и на остальных балтийцев.

В рядах Латвийского легиона СС в годы второй мировой войны воевал против красных ещё один русский офицер — Карл Юрьевич Менц. Совсем молодым офицером он вступил в Добровольческую армию в конце 1917 года. Участвовал в легендарном 1-м Кубанском походе. В дальнейшем К.Ю. Менц в чине поручика воевал против красных в рядах Марковской пехотной дивизии. После окончания Гражданской войны в России он уехал в Латвию. В годы Советско-германской войны бывший офицер-марковец командовал ротой Латвийского легиона СС и был убит в 1944 году на Волхове⁵.

СМИ РФ в своих передачах могли бы рассказать о вышеназванных латышских эсэсовцах, но они этого никогда не сделают, поскольку такие сюжеты не укладываются в прокрустово ложе, советской, по своей сути, официальной пропаганды.

Но есть сюжет для СМИ РФ ещё более интересный, о котором они, судя по всему, не ведают. С гневом комментируя марши ветеранов Эстонского и Латвийского легионов СС в Риге и Таллинне, аналогичные мероприятия на западной Украине, где многие жители считают равноправными участниками второй мировой войны ветеранов Украинской повстанческой армии — УПА и дивизии СС «Галичина», официальные СМИ РФ в упор не замечают аналогичных мероприятий, ежегодно проходящих в Австрии. Причем встречи ветеранов второй мировой войны, воевавших на стороне нацистской Германии, проходят при самом благожелательном отношении к ним со стороны местных властей. Даже внешне, судя по фотографиям и кадрам из документального фильма «Конец белых атаманов» (кинокампания REN TV, 1996 г.), встречи на австрийской земле ничем не отличаются от встреч ветеранов-эсэсовцев в Риге, или Таллинне. На стариках головные уборы военного образца, а некоторые одеты и в старые военные мундиры. На мундирах и на пиджаках знаки отличия Третьего Рейха. Правда, кое у кого на головах нетипичные для европейских ар-

мий головные уборы — казацкие папахи. Звучат немецкие военные марши. Но вот чередуются они с казацким «Плачем». Собравшиеся беседуют друг с другом на русском и немецком языках. Вот так, в австрийском городе Лиенце проходят каждый год памятные встречи ветеранов 15-казацкого кавалерийского корпуса СС.

Представим себе на минуту, что репортаж о такой встрече был бы показан в первых числах мая по ОРТ. Да ещё с доброжелательными комментариями. И пришлось бы тогда нашему обывателю, а паще всего, тем, кто считает себя политической элитой, объяснять, откуда взялись во время «Великой Отечественной войны» эсэсовцы — русские! И так же, как у эстонцев, латышей, литовцев, у них то же была своя правда — свободная от преступного коммуно-советского режима Россия.

Об этом я писал в книге «Кому наследует власть РФ? Проблема преемственности и легитимности в Российской Федерации», вышедшей в московском издательстве «Пробел» в 2005 году⁶.

Газетная статья живет один день, максимум два. Журнальная статья от недели, до месяца. У книги, если это публицистика, может быть более долгая жизнь. В данном случае актуальность книги, изданной без малого три года тому назад, а написанной ещё раньше, придали два репортажа СМИ РФ в марте сего года.

В итоговой программе «Время» от 16 марта 2008 года, её ведущий Пётр Толстой прокомментировал репортаж из Риги, в котором рассказывалось о марше ветеранов Латвийского легиона СС в центре Риги, о демонстрации местных антифашистов. Марш был приурочен к годовщине создания Латвийского легиона. А комментарии прозвучали именно в том духе, в каком обычно это делают официальные СМИ РФ.

Откликнулись на события в Латвии и ведущие телеканала ТВЦ. В выпуске новостей вечером 19 марта 2008 года, они не только упомянули о годовщине создания Латвийского легиона, но и рассказали о законодательной инициативе депутатов Сейма Латвии. Группа депутатов от правых националистических партий внесла законопроект, предусматривающий уголовную ответственность для лиц, отрицающих факт оккупации Латвии Советским Союзом в 1940 году. Комментируя эту инициативу, комментаторы ТВЦ с иронией и сарказмом, достойным лучшего применения, рекомендовали латвийским властям привлечь к ответу большую часть населения страны. Потому что подавляющее большинство латышей, русских и людей других национальностей, в советские времена либо трудилось на советских предприятиях, либо служило в советских государственных учреждениях. Следовательно, они были коллаборантами советского оккупационного режима.

Вот так, телеведущие продемонстрировали стремление вывернуть наизнанку десоветизацию и превратить её в посмешище. Но СМИ РФ полно-

стью проигнорировали закон, принятый в 2002 году парламентом Словакии. Депутаты парламента большинством голосов приняли новый уголовный кодекс, в соответствии с которым пропаганда коммунистических идей и публичное оправдание или ведение споров вокруг преступлений, совершенных прошлым режимом, станут предметом уголовного разбирательства. За нарушение закона предусмотрено тюремное заключение сроком от 6 месяцев до 3 лет.

Дай Бог и нам, русским и россиянам, дожить до того дня, когда тот же Пётр Толстой с праведным гневом в голосе будет комментировать торжественные мероприятия по случаю Дня Чекиста, или Дня Красной Армии. Оснований для этого более чем достаточно. Взять хотя бы резолюцию Парламентской ассамблеи ПАСЕ, осуждающую преступления тоталитарных коммунистических режимов. Ведь

прозвучали там слова о том, что вполне сопоставимы преступления нацистов и коммунистов. Равно как и то, что первой жертвой преступных коммунистических режимов стали русский народ и народы бывшей Российской империи.

¹ Война Германии против Советского Союза 1941–1945, документальная экспозиция. Под редакцией Р. Рюрупа. — Берлин, 1992.

² Штрик-Штрикфельдт В. Против Сталина и Гитлера. — М.: Посев, 1993, по изданию 1981.

³ Simpson K. The Waffen SS story. — N.Y., 1990.

⁴ Генерал Р.К. Бангерский: материалы к истории Гражданской войны на Востоке России // Белая Гвардия. Белое Дело. — Екатеринбург. — 2001. — № 9.

⁵ Волков С.В. Первые добровольцы на Юге России. — М., 2001.

⁶ Чичерюкин-Мейнгардт В.Г. Кому наследует власть РФ? Проблема преемственности и легитимности в Российской Федерации. — М., 2005.

Григорий Амнуэль

Афганистан

Пространство бывшего СССР отметило дату, связанную с одной из самых трагических страниц в своей общей истории, войной в Афганистане (20 лет с момента окончания вывода Советских войск). Венки, цветы, статьи и обязательные телепередачи — неотъемлемая часть празднования. Попробуем немного в этом разобраться, попытаемся пролить свет на эту годовщину, и на то, что вокруг неё.

Итак, для тех, кто, возможно, забыл. В декабре 1979 года СССР ввёл «ограниченный контингент» в Афганистан, к тому времени уже раздираемый, — не без помощи грозного северного соседа, — межклановыми и межлидерскими междоусобицами. На смену устойчивому режиму Короля пришёл иной, псевдосоциалистический режим, вначале Тараки, затем повесившего его, товарища по «социальным реформам» Амина. Афганским крестьянам пообещали землю, народам — мир, почти не существующему пролетариату — что-то вроде фабрик и заводов (промышленного производства в Афганистане практически нет). Но, данные обещания, увы, как, впрочем, это часто случалось в истории, оказались а) не востребованными, б) не выполненными и на конец в) никому не нужными. Зато желающих править обнаружилось в избытке, благо ВПП¹, ВКШ² и другие «высшие школы»³, неутомимо продолжали свою разрушительно-образовательную работу. В помощь «выпускникам» и были брошены войска, видимо, для закрепления пройденного материала. В советских СМИ развёрнулась активная пропагандистская компания. Широко общалось, что в Афганистане собираются разместить войска США, военные базы НАТО, что это угрожает нашим мирным людям и нашим границам. Народ единогласно поддержал, и... началось! По

официальным данным, с 1979 по 1989 год в Афганистане погибло больше 14 тысяч советских военнослужащих. Количество искалеченных, инвалидов значительно больше, количество убитых афганцев перевалило за миллион. Многие умерли от ран в госпиталях, в приграничных Таджикистане и Узбекистане, и соответственно в страшную статистику прямых военных потерь не попали. Это типичная статистическая уловка для страны, до сих пор не сосчитавшей своих потерь даже во Второй Мировой Войне.

Афганистан из спокойной, провинциальной страны превратился в постоянную огненную рану человечества, не сходящую с первых полос информационных агентств. Советский Союз пытались обрассудить всем мировым сообществом, практически 100 голосами проголосовав на Генеральной Ассамблее ООН за немедленный вывод советских войск. Не помогло. «Грязная провокация США и их наймитов», — писали советские газеты, кричали советское радио и телевидение. В ответ был объявлен бойкот Первой Олимпиады в истории СССР. К нам не приехало множество спортсменов, туристов, мы теряли и престиж и деньги, но и это не помогло. СМИ захлёбывались ненавистью, мы — граждане, убытками. Да, ещё немаловажный фактор, кроме жертв, среди самых физически способных слоёв общества юношей — генофонда, страна ежедневно несла гигантский экономический урон на поддержание войны, исчисляемый цифрами с семью нулями — подчёркиваю ЕЖЕДНЕВНО!

Но советской пропаганде всё было нипочём. Для повышения патриотического задора, воины в Афганистане были уравнины в правах с воинами Великой Отечественной, с интернационалистами

03/2009

в Испании в 30-х годах. Всё в угоду человеконенавистничеству все было поставлено с ног на голову. И чем закончилось?! Нет СССР, нет системы СЭВ (НДРА на недолгий период была страной-партнёром). Есть длинный список жертв, монументы и обелиски по всему пространству бывшего СССР. Есть чётко усвоенные страшные понятия «груз 200», «чёрный тюльпан», «в цинке». Есть огромный слой нашего общества, который, благодаря Афганистану, а потом и Чечне научился только убивать, в крайнем случае, «охранять» и продолжает эту свою профессиональную работу, вместо того чтобы изобретать, производить, строить и созидать. Именно Афганистан создал для страны гигантскую демографическую проблему, над решением которой бьется столько умов и проливается так много сил и слов со всех трибун.

20 лет назад генерал Громов, ныне губернатор Московской области покинул Афганистан на последнем бронетранспортёре. Были названы фамилии членов Политбюро, ратовавших за ввод войск: Андропов, Устинов, Громыко, Сулов. Кстати, все они с почётом похоронены, мемориальные доски с их именами украшают их бывшие жилища и места работы. В Афганистане у власти были «талибы», теперь пришли «демократы», но кровь продолжает литься. Маховик войны уничтожает и уничтожает. Афганцев, пуштунов, таджиков, узбеков, россиян, американцев и европейцев. Цветет маковый цвет, течет бездонная опиумная река. Покрывает белой пеленой мир, и, прежде всего, Россию, так как все пути лежат через неё, даже дорога в Киев.

Участникам и инвалидам раздали льготы. Кто сумел — воспользовался. Но ни перед кем, ни перед семьями погибших, ни перед ранеными и искалеченными физически и нравственно, ни перед россиянами и, тем более, перед афганцами, никто не из-

винился. СМИ и произведения «агиткультуры», до сих пор уверяют нас, что это была «правильная» война, что другого выбора не было. А это значит, такой опыт принятия решений можно повторять!

Значит сила — выше разума. Решение единиц, важнее воли миллионов. Конституция не работает — победа партии войны продолжается. И совсем не важно, об Афганистане идет речь или о любой другой точке мира.

События 11 сентября показали, нигде человек не может чувствовать себя в безопасности. Но мы советуем закрыть киргизскую перевалочную базу в Манасе (ну, пусть не совсем бесплатно и это в период кризиса), мы со скрипом участвуем в программе «Партнёрство во имя мира», мы продолжаем жить со своим особым вектором развития. Мы никак не хотим понять созданная нами проблема Афганистана очень сложна, это доказывает история. Значит мы можем её решить вместе со всеми или не решить вовсе. Но тогда возможно эта проблема решит нас.

Февраль — месяц маленький, но и на его долю выпало боевых подвигов, может быть хватит захлебываться в патриотическом вопле? Может быть, мир — стоит жизни? Может быть, Афганистан нас чему-то научил?

P.S.: Да, пока писал эту статью пришла информация из Министерства обороны РФ, во время «победоносной войны» летом 2008 года за пять дней погибло 64 российских военнослужащих, попробуйте дорогой читатель сравнить с цифрами Афганской войны...

¹ ВПШ — Высшая партийная школа при ЦК КПСС.

² ВКШ — Высшая комсомольская школа при ЦК ВЛКСМ

³ «Высшими школами» — в СССР назывались не Университеты, а профсоюзная, милицейская и, конечно, школа КГБ.

Москва, февраль, армия, церковь и народ.
Фотография Марии Наумцевой

Александр Закатов

К чему ведет «антироманиада»

«Нескончаемая «романиада». Она приведет к окончательному расколу России». Под таким кричащим заголовком в «Независимом военном обозрении» 5 сентября 2008 года вышла статья А.Б. Широкограда, издавна специализирующегося на обличении дома Романовых. Достаточно вспомнить его книгу «Дмитрий Пожарский против Михаила Романова». Невольно напрашивается мысль, что из-под пера Александра Борисовича (задайся он целью в таком же ключе раскрыть глаза соотечественников на тайны других периодов российской истории) вполне могли бы выйти монографии «Ленин против Октябрьской революции» или «Сергий Радонежский против Дмитрия Донского». Методика, применяемая А.Б. Широкоградом по отношению к нелюбимым им Романовым, вполне позволяет представить читателям соответствующую аргументацию в подкрепление этих завлекательных тезисов.

Но если говорить серьезно, в своей статье о «романиаде» А.Б. Широкоград, действительно, поставил целый ряд важных, волнующих современное российское общество вопросов. И дал на них свои ответы, на что, безусловно, имеет полное право. Правда, несмотря на заявленное автором нежелание «предстать ненавистником дома Романовых», именно ненавистью сочится каждое его слово. Историк, обязанному изучать прошлое «без гнева и пристрастия», вряд ли подобает такое настроение. Излишняя эмоциональность, тем более негативного свойства, не прибавляет ни обоснованности, ни убедительности, ни логичности.

По прочтении статьи А.Б. Широкограда невольно возникает вопрос: А, в конце концов, чего же хочет автор? Чтобы про Романовых забыли? Чтобы 300-летний период их царствования был вычеркнут из истории России, или о нем можно было бы говорить только плохое? Чтобы их останки не хоронили? Чтобы ныне живущие члены императорского дома были лишены тех гражданских прав, которые гарантированы Конституцией и которыми располагает любой гражданин России? Или, все-таки, он не идет так далеко, а лишь протестует против гипертрофированного внимания к Романовым? Но повышенный интерес у наших соотечественников присутствует также по отношению к И.В. Сталину, В.И. Ленину, Л.Д. Троцкому и другим вождям советского режима, к дохристианской эпохе, к Иоанну Грозному, к роли монголо-татарского нашествия и т.п. Все эти личности, явления и события вызыва-

ют ожесточенные споры, по ним высказываются диаметрально противоположные мнения. Может быть, все эти «...ниады» тоже ведут к «окончательному расколу России», и их нужно запретить? А если нет, то почему именно Романовы подвергнуты дискриминации?

К счастью, желание народа разобраться в своем прошлом не зависит ни от «политических заказов», ни от рассерженных публицистов. А роль историков заключается в том, чтобы, оставаясь на объективной основе, приводить в максимально возможную гармонию научную, поэтическую и политическую составляющие Истории.

Несправедливая агрессивная критика того, что нам дорого, обычно вызывает желание ответить столь же резко и обидно для оппонента. Но не будем поддаваться соблазну. Ведь А.Б. Широкоград выразил не только свои мысли. Так или подобно ему думает достаточно большое количество людей. Если ответить оскорблением на оскорбление, они останутся при своем, мы при своем, а пользы это не принесет никому. Давайте попробуем порассуждать и просто увидеть суть вопроса с другой стороны.

Род Романовых известен в России с XIII века, хотя сама фамилия «Романовы» утвердилась за ним только в XVI веке. В XVII веке он был призван на престол по народному волеизъявлению, выраженному на Церковном поместном и Земском соборе 1613 года. *«Ни один царский дом не начинался так необыкновенно, как начался дом Романовых. — писал Н.В. Гоголь. — Его начало было уже подвиг любви. Последний и низший подданный в государстве принес и положил свою жизнь для того, чтобы дать нам царя, и сею чистою жертвою связал уже неразрывно государя с подданными. Любовь вошла в нашу кровь, и завязалось у нас всех кровное родство с царем. И так слился и стал одно-единое с подвластным повелитель, что нам всем видится всеобщая беда — государь ли позабудет своего подданного и отрешится от него или подданный позабудет своего государя и от него отрешится. Как явно тоже оказывается воля Бога — избрать для этого фамилию Романовых, а не другую! Как непостижимо это возведение на престол никому не известного отрока!»*¹. «Идеализация!», — скажете Вы. Согласен, но мне, почему-то, все равно ближе Н.В. Гоголь, чем А.Б. Широкоград.

1 Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями. Собрание сочинений в 8 томах. — Т. VII. — М.: Правда, 1984. — С. 223

За 304 года царствования Романовых было много хорошего и много плохого. В 1917 году династия лишилась власти в результате революции. В 1918–1919 гг. членов императорского дома, ос-

* Александр Николаевич Закатов, канд. ист. наук, доцент, член научного совета РАН по изучению и охране культурного и природного наследия

тавших в России, во главе с императором Николаем II, казнили. В эмиграции двоюродный брат Николая II великий князь Кирилл Владимирович унаследовал в соответствии с фамильным законом статус главы династии и принял титул императора в изгнании. Его сын великий князь Владимир Кириллович дожил до событий 1991 года и успел за пять месяцев до своей смерти побывать на Родине. Сам он всю жизнь прожил с нансеновскими документами «русского беженца» и не успел получить российский паспорт. Но его дочь — новая глава династии великая княгиня Мария Владимировна, вдова — великая княгиня Леонида Георгиевна и внук — великий князь Георгий Михайлович стали полноправными гражданами России в мае 1992 года.

Начало возвращения императорского дома в современную российскую общественную жизнь совпало с обнаружением екатеринбургских останков, волной переизданий старых и выхода новых публикаций по истории Романовых, подготовкой канонизации расстрелянной царской семьи, общественными и научными дискуссиями на романовскую тему. Было бы наивно предполагать, что все эти явления, столь нелюбезные сердцу А.Б. Широкограда и его единомышленников, были «спущены сверху». Если интерес властей и проявлялся, то только в смысле желания использовать сложившуюся ситуацию с пользой для себя.

Трагическая судьба Романовых в XX веке не может не вызывать сочувствия, каких бы политических взглядов мы ни придерживались. Из детских впечатлений мне запомнилось, как еще в 1970-е годы (а в те времена ни о какой «романиаде» и думать было невозможно), когда речь заходила о екатеринбургском расстреле, даже убежденные коммунисты опускали глаза и говорили что-то вроде: «Да, конечно, казнь царя была неизбежной, но вот с детьми поступили жестоко». Это была нормальная человеческая реакция, проявлявшаяся, несмотря на высокую степень идеологизации сознания. Многие из тех моих родственников и старших знакомых уже давно нет в живых. Не думаю, что им понравилась бы нынешняя действительность. Но также уверен, что они, по крайней мере, удивились бы задору новых ниспровергателей, убежденных, что расстрел и добывание штыками беззащитной супружеской пары, их детей — девушек и ребенка, их ни в чем неповинных слуг — нормальное дело, за которое никто не должен каяться.

Тема покаяния неисчерпаема. В 1980-е годы демонстрация ныне, увы, подзабытого фильма Т. Абуладзе «Покаяние» произвела буквально переворот в сознании многих людей. Потом слово затаскали и опошлили. В чем-то это коснулось и замученной царской семьи. Что греха таить, среди части верующих, как правило, у ревностных не по разуму неофитов, имеет место нездоровая экзальтация. Кстати, среди этой категории больше всего недоброжелателей и государственной власти, и ныне

здравствующих Романовых, и священноначалия Русской православной церкви, и вообще всего без исключения существующего порядка вещей по гениально сформулированному А.С. Пушкиным в «Борисе Годунове» принципу: «Живая власть для черни ненавистна, они любить умеют только мертвых». Но, как говорится, «злоупотребление не отменяет употребления». Без способности к здоровому нормальному покаянию невозможно нравственное здоровье общества как такового.

А.Б. Широкоград спрашивает: «За что я лично должен каяться?», подразумевая, очевидно, под покаянием обязанность пойти в церковь или домой к великой княгине Марии Владимировне и там слезно просить прощения, посыпать голову пеплом и рвать на себе волосы. В этом смысле он, конечно, ничего не должен. Сама Мария Владимировна многократно говорила, что ни Николай II, ни его преемники не испытывали и не испытывают мстительности или стремления внушить кому-нибудь чувство неизгладимой вины. Напротив, глава дома Романовых предостерегает, чтобы никто не культивировал в себе комплексы неполноценности и преступности, и призывает, чтобы те, кто почитает царскую семью как святых, сосредоточились на светлой стороне их жизни, а не на темном и страшном. Добиваясь реабилитации казненных родственников, она не просит кого-то осудить, а только настаивает, чтобы в соответствии с законом РФ «О реабилитации жертв политических репрессий» были юридически отменены постановления государственной власти, признающие членов императорского дома «преступниками, достойными смерти».

Итак, если кто-то подразумевает под покаянием некую унижительную процедуру, то такое покаяние, действительно, никому не нужно. Но если говорить о покаянии в истинном религиозном смысле, то оно было и остается неотъемлемой частью человеческого сознания и совести. Ведь первоначальный смысл слова «каяться» — это «скорбеть», «сожалеть»². Мы в ответе за всё, что происходит вокруг нас. Безусловно, мы лично ни юридически, ни даже косвенно не виноваты в том, что по приказу Святополка зарезали Бориса и Глеба, что расстреляли семью Николая II, что страшную смерть приняли моряки подводной лодки «Курск», что умирают от голода дети в Нигерии, что зимой замерзают на улице бездомные, что террористы взорвали рынок в Багдаде или что при артобстреле Цхинвала погибли мирные жители. Но если мы не испытываем чувство сострадания, сочувствия и сопричастности, если мы не желаем сделать хоть что-то от нас зависящее, чтобы исправить совершенное зло и постараться не допустить его в будущем, значит у нас проблемы с совестью.

2 Полный церковно-славянский словарь. Сост. священник Г. Дьяченко. — М., 1993. — С. 247

Недостатком совести можно объяснить и грубые передергивания и подтасовки, положенные в основание пафосной статьи А.Б. Широкограда. Они,

быть может, были бы простительны в пылу полемики между политиками, далекими от исторической науки. Но человеку, позиционирующему себя в качестве историка, должно быть стыдно прибегать к набору аргументов, почти каждый из которых лишен либо правдоподобия, либо логики, либо того и другого. Непонятно, откуда взято «процентное соотношение» казненных во Франции на гильотине в 1791–1796 гг. и в подвалах ВЧК в 1918–1921 гг. Откуда взяты данные о закрытии во Франции во время революции ВСЕХ церквей? Что же касается Дня взятия Бастилии, гимна «Марсельеза» и «революционного триколора», то не худо было бы знать, что все эти символы появились еще на том периоде Французской революции, когда власть короля, а для многих даже его сакральный статус, не подлежали сомнению. Это, приблизительно, все равно, как если бы в России сейчас в качестве национального праздника отмечали день издания манифеста 17 октября 1905 года (тоже достижение революции), а вместо гимна «Боже, царя храни» стали бы исполнять «Смело мы в бой пойдем за Русь Святую». О триколоре говорить не приходится, так как наш российский бело-сине-красный триколор никогда не имел династического символизма, в отличие от знамени Бурбонов. И во Франции национальным праздником никогда не был и не станет день захвата власти якобинцами, а государственным флагом — знамя Парижской коммуны...

Совершенно справедливо, что во Франции, Англии и других странах памятники, улицы и площади в честь королей и деятелей старого режима соседствуют с памятниками, улицами и площадями в честь революционеров. Но нужно добавить, что там существует разумный и справедливый баланс. Во Франции не стоит в каждом городе по несколько памятников и бюстов Робеспьеру. В Англии нет города Кромвеля, в котором в Кромвелевском районе, у площади Кромвеля, на которой стоит памятник Кромвелю, проспект Кромвеля пересекается с улицей Кромвеля. Ни в одной стране мира, пожалуй, не было столь тотального и абсурдного искоренения исторической топонимики ради увековечивания умерших и живых вождей, кумиров и праздников нового режима. Именно к исправлению диспропорции, а вовсе не к вымарыванию из российской топонимики советского периода нашей истории, призывает Русская православная церковь, другие традиционные конфессии России, Российский императорский дом и многие наши сограждане самых разных общественно-политических взглядов. Мы должны восстановить тысячелетнее наследие, которое было несправедливо упразднено и варварски разрушено. При этом совершенно никто не настаивает, чтобы были изменены все названия или снесены все памятники, появившиеся в советский период. Это было бы новым абсурдом и варварством, а мы мало чем отличались бы от большевиков, взорвавших могилу П.И. Багратиона, уничтоживших тысячи храмов, памятников исто-

рии и культуры, монументов и кладбищ воинской славы. И, между прочим, когда им понадобилось, чуть ли не за одну ночь стерших с карты СССР память о своем скончавшемся вожде И.В. Сталине.

Неясно, где А.Б. Ширококорядом «прослеживается тенденция» представить руководство Советской России «бандой преступников». Если это и имеет место, то, во всяком случае, не со стороны Романовых. Великая княгиня Мария Владимировна, обратившаяся в Генеральную прокуратуру РФ с заявлением о реабилитации своих родных, как раз утверждает, что казнь царской семьи — это не уголовное преступление, а деяние государственной власти. Так что если кто и пытается доказать, что Николай II и его близкие пали жертвой уголовников, то это как раз противники реабилитации Романовых, с которыми солидаризируется отважный боец с «романиадой».

А.Б. Ширококоряд глубоко заблуждается относительно фатальности для политической карьеры западных государственных деятелей их взаимоотношений со своими согражданами-монархистами. Президент Ш. де Голль не только открыто встречался с главой Французского королевского дома графом Парижским, но и не слишком скрывал, что обсуждает с ним вопросы возможности восстановления монархии. Реставрация не состоялась, но, в тоже время, никакого ущерба де Голлю эти переговоры не принесли. Во Франции, Италии, Португалии и других европейских республиках чиновники и депутаты нередко принимают династические награды и участвуют в церемониях, связанных с историей преждествовавших династий. Португальский президент взял под личный контроль бракосочетания главы Орлеан-Браганцской династии дона Дуарте. В Болгарии царь Симеон некоторое время даже сам был премьер-министром правительства республики. Отто Габсбург — депутат Европарламента... Подобных примеров можно привести множество. Никто из глав династий не отрекался от монархической идеи, а их сторонники прямо видят в них своих законных государей. Зачем же распространять заведомо ложную информацию?

А.Б. Ширококоряд нарочито подчеркивает, что *«он и его родители никогда не состояли в КПСС»*. В данном контексте это довольно дешевый прием. Для того чтобы быть предвзятым, совсем не обязательно состоять в КПСС, а членство в КПСС само по себе отнюдь не является синонимом нечестности.

Независимо от своего «нечленства в КПСС», А.Б. Ширококоряд безжалостно шельмует императора Николая II, императрицу Александру Феодоровну и великих князей в традициях самой заскоруждой советской пропаганды. Заодно автор тщится продемонстрировать познания в области юриспруденции Российской империи. При этом он, конечно, избегает каких-либо ссылок на законы или доказательства. Что вполне объяснимо — ни

03/2009

одно утверждение уважаемого коллеги не может быть подкреплено никаким мало-мальски достоверным историческим источником. Никаких «подробностей» предстоящих наступлений на фронте Николай II жене, а та — Распутину не сообщали (нельзя же, в самом деле, изучать историю России по фильму «Агония»!). Законы Российской империи не предполагали «смертную казнь через повешение» за намерение изменить порядок престолонаследия, но Александра Федоровна и не «организовывала заговор генералов» с этой целью (это дикий миф, родившийся из обросших слухами олопридворных сплетен). Николай II проиграл не две, а только одну войну — Русско-японскую (аналогичные войны были проиграны в дальнейшем США во Вьетнаме и СССР в Афганистане). Что касается I Мировой войны, то вот мнение У. Черчилля: *«В марте (1917 — А.З.) царь был на престоле; Российская империя и русская армия держались, фронт был обеспечен и победа бесспорна. (...) Несмотря на ошибки, большие и страшные, — тот строй, который в нем воплощался, которым он руководил, которому своими личными свойствами он придавал жизненную искру — к этому моменту выиграл войну для России»*³. У. Черчилль нам не авторитет? Может быть. Но я все равно доверяю ему как-то больше, чем А.Б. Широкограду (да простит он меня). Во всяком случае, эту войну для России проиграл не Николай II, а те, кто сверг его с престола.

3 Churchill W. The world crisis. 1916-18. — Vol. I. — London, 1927. — P. 223–225

Никто ни до, ни (что еще важнее) после революции не доказал преступлений, голословно приписываемых великим князьям Алексею Александровичу, Михаилу Николаевичу, Сергею Михайловичу и другим. Ошибки, просчеты, некомпетентность — может быть, об этом допустимо и нужно спорить. Но «бесконтрольное командование флотом и армией с Лазурного берега», «выкачивание средств, асигнованных на русскую артиллерию» и тому подобные заявления — безответственная и ничем не подкрепленная клевета. Сам же автор допускает, что *«если обвинения против них не подтвердятся, то они будут посмертно оправданы»*. Так не рано ли он позволил себе назвать скончавшихся и, тем более, замученных людей ворами и преступниками?

Вольное обращение даже с фактами из учебника — особенность стиля А.Б. Широкограда. Он, почему-то, понижает в статусе великих князей Павла Александровича и Дмитрия Константиновича, расстрелянных вместе с Сергеем и Николаем Михайловичами в Петропавловской крепости (в его интерпретации они становятся *«двумя князьями императорской крови»*), лихо объявляет *«байстрюком»* царевича Дмитрия Угличского (думается, что этот вопрос находился в юридической компетенции царей Иоанна IV и Феодора I, а никак не в нашей с Александром Борисовичем), полагает, что внука Иоанна III Дмитрия *«уморила»* в тюрьме София

Палеолог после смерти деда (на самом деле Дмитрий был заключен в темницу именно Иоанном III), утверждает, что *«Марина Мнишек венчалась на Московское царство отдельно от Лжедмитрия, и главными участниками действия были как раз митрополит Филарет и прочие Романовы, включая юного стольника Михаила»* (грубая и нелепая подтасовка: на самом деле в мае 1606 года М. Мнишек была коронована, как супруга «царя Дмитрия Иоанновича», что, конечно же, является церемонией, весьма далекой от «венчания на Московское царство»; вплоть до переворота 17 мая 1606 года Лжедмитрия I официально признавали законным царем Дмитрием отнюдь не только Романовы, но большинство боярства, духовенства, дворянства и народа, в том числе будущие герои I и II Ополчений).

Большого внимания заслуживают доводы А.Б. Широкограда о казни малолетнего сына Лжедмитрия II и Марины Мнишек, об убийствах императоров Петра III и Иоанна Антоновича (царевича Алексея Петровича и Павла I он, почему-то, забыл). Что ж, никто и не утверждает, что за 300 лет в истории династии всё было светлое и розовое. Да, были и жестокость, и кровь, и предательство... Казнь «Воренка» (которого А.Б. Широкоград, выдавая, прямо по Фрейду, свои истинные симпатии, считает царевичем Иваном без всяких кавычек, в отличие от походя заклеянного им «байстрюка» — св. царевича Дмитрия Угличского) — несомненная жестокость, даже учитывая все обстоятельства и нравы того времени. Смерть царевича Алексея от пыток — жестокость и, кроме того, сильнейший удар по традиционным национальным и династическим устоям. Царевейства 1762, 1764 и 1801 годов — не только проявления жестокости, но и государственные преступления, к которым, увы, по крайней мере, ковенно имели отношение другие Романовы. Всё это так. Но перечисленные злодеяния, при их чудовищности, существенно отличаются от казни царской семьи 17 июля 1918 года. Именами палачей «Воренка» не называли городов и улиц. Памятники графу А. Орлову-Чесменскому и князю Г. Потемкину-Таврическому ставили не за то, что они принимали участие в убийстве Петра III (что официально не признавалось, а в отношении Потемкина вообще под сомнением), но за действительные военные и государственные заслуги перед Россией. Никто вне узкого круга себе подобных не похвалялся участием в расправах, в музеях не экспонировались орудия убийств, тела жертв, по крайней мере, были преданы христианскому погребению, а причиной их смерти объявлялись болезнь или несчастный случай. В этом присутствовала значительная доля лицемерия, но не было торжествующего зверства. Зло не выдавалось за добро. Ныне все переменялось. Поэтому нашему обществу особенно нужно то, что А.Б. Широкоград именуется «романиадой»! Нужно, чтобы взвешено и справедливо оценить наше далекое и недавнее прошлое ради настоящего и будущего.

В заключительной части своей статьи А.Б. Широкоград окончательно уходит в политику. Здесь уже витает дух не «Краткого курса истории ВКП(б)» (к слову, написанного гораздо более профессионально, чем книги уважаемого коллеги), но, скорее, обвинительных речей А.Я. Вышинского (тоже несравненно более талантливых с литературной и доказательной точек зрения). Но и у А.Б. Широкограда достается на орехи всем — и либералам, и правительству, и «зарубежным силам», и Русской православной церкви, и главе дома Романовых. Обоснованность аргументации по-прежнему мало заботит автора. Ни разу не заглянув в «Закон о реабилитации жертв политических репрессий», он, надо надеяться искренно, полагает, что *«реабилитировать можно только осужденного, когда есть решение суда с обвинительной частью»*. На самом деле, в этом Законе ничего отдаленно похожего нет. В Преамбуле говорится, что *«целью настоящего Закона является реабилитация всех жертв политических репрессий, подвергнутых таковым на территории Российской Федерации с 25 октября (7 ноября) 1917 года, восстановление их в гражданских правах, устранение иных последствий произвола и обеспечение посильной в настоящее время компенсации материального ущерба»*, а в статье 1 поясняется: *«Политическими репрессиями признаются различные меры принуждения, применяемые государством по политическим мотивам, в виде лишения жизни или свободы, помещения на принудительное лечение в психиатрические лечебные учреждения, выдворения из страны и лишения гражданства, выселения групп населения из мест проживания, направления в ссылку, высылку и на спецпоселение, привлечения к принудительному труду в условиях ограничения свободы, а также иное лишение или ограничение прав и свобод лиц, признававшихся социально опасными для государства или политического строя по классовым, социальным, национальным, религиозным или иным признакам, осуществлявшееся по решениям судов и других органов, наделявших судебными функциями, либо в административном порядке органами исполнительной власти и должностными лицами и общественными организациями или их органами, наделявшимися административными полномочиями»*.

Рассуждать о законах, не читая их — излюбленное дело творцов «антироманиады». Таким же манером эта категория авторов еще особенно любит толковать о престолонаследии. В своей немотивированной, иррациональной, буквально какой-то мистической озлобленности они отказываются признавать общеизвестное и видеть очевидное.

Впрочем, для двух Романовых у А.Б. Широкограда все же нашлось некое подобие добрых слов. Во-первых, это императрица Екатерина II Великая, которую он великодушно амнистировал «за Чесму, Крым и Новую Россию» (о Грузии, Белоруссии, Волыни, Подолии и Правобережной Украине автор,

вероятно, не помнит, или не придает этим территориям значения). Хотя несколькими абзацами ранее он и советовал неким «клерикалам» добиваться сноса ее памятника в Санкт-Петербурге, Екатерина II должна быть ему благодарна, да и мы с готовностью согласимся, что государыне многое можно «простить». Но вот обостренная симпатия нашего обычно неумолимого оппонента ко второй «выдающейся личности и патриоту», великому князю Александру Михайловичу, вызывает некоторое недоумение. Не то, чтобы Александр Михайлович был хуже других. Он, в общем, тоже сделал кое-что полезное, а кое за что его можно покритиковать. Великий князь, ничем не лучше и не хуже тех, кого только что ругательски поносил А.Б. Широкоград. Неважный семьянин, в конце жизни — спирт и оккультист. В тоже время, искренний патриот, храбрый морской офицер, хороший организатор. Как писал А. Майков в стихотворении «Суд предков»: *«Как сочеталось это в нем / Бог весть, но он себя считал / Какой-то истины столпом, / Какой, и сам не понимал»*. Обычная история для большого переломного рубежа XIX–XX веков. Вот только воспоминания этого члена императорского дома, на которых базируется наш «романоборец», ни один профессиональный историк никогда не признает серьезным и достоверным историческим источником. Написанные в эмиграции, в основном, с коммерческой целью, они изобилуют фантастическими выдумками и эпатажными заявлениями. А.Б. Широкограду, судя по всему, пришлось по душе слова Александра Михайловича о том, что *«Советы вынуждены проводить чисто национальную политику»*. Но такой же точки зрения придерживались и Кирилл Владимирович, которого, кстати, Александр Михайлович без рассуждений и оговорок признавал законным императором, и Дмитрий Павлович. Так что остается неразрешимой загадкой, почему маленький кусочек «романиады», великодушно дозволенный А.Б. Широкоградом, связан именно с великим князем Александром Михайловичем.

И Русская православная церковь, и дом Романовых, и государственные власти, и либеральная оппозиция, и злокозненные иностранные враги — все они вместе, по утверждению А.Б. Широкограда, желают «переписать историю» и «окончательно расколоть Россию». Видимо, настоящей историей, которую никому не дозволено переписывать, является только точка зрения Александра Борисовича, и только он стоит на страже единства нашей Родины. И в том, и в другом позволительно усомниться.

А вот с чем можно безоговорочно согласиться, так это с фразой А.Б. Широкограда: *«За вранье история жестоко мстит, причем, к сожалению, не только лживым политикам, но и всему народу»*. Хочется искренно пожелать, чтобы его пророчество все же не сбылось на нем самом.

Дом Романовых является неотъемлемой частью нашей истории. Его прошлое и настоящее

03/2009

всегда будут вызывать дискуссии и порождать частую поляризацию точек зрения. Но если участники любого спора честны и искренни, раскола между ними не будет. Верующий и атеист, монархист и республиканец, коммунист и либерал, оставаясь при своих взглядах, ведя идейную борьбу между собой, могут уважать друг друга, а когда потребуется, сотрудничать на пользу своей общей страны. Раскол возникает тогда, когда разум

омрачается злобой, когда ложь и клевета выступают главными аргументами, когда некомпетентность и голословность рядятся в псевдонаучные ризы. Вольно или невольно, но именно творцы «антироманиады», апеллируя к нашим самым отрицательным качествам — зависти, бессердечию, злопыхательству, невежеству и гордыне — больше всего способствуют расколу российского общества.

МОСТЫ В ПРОШЛОЕ

Антон Васильев

Лампочка Государя Императора

Уж сколько раз твердили миру, что «большевики взяли Россию лапотной, освещаемой лучиной, пахавшей землю сохой...» И ничего без них, благодетелей, у нас бы не было. Чаще всего приводят, как пример — «лампочку Ильича», осветившую нас, дескать, после Октябрьской революции.

Да полно, так ли это?

Опыты по освещению улиц с помощью вольтовой дуги гораздо раньше европейцев — еще в 1802 году! — проводил профессор физики Санкт-Петербургского медико-хирургической академии В.В. Петров.

В 1837 году по Неве, против ее весьма сильного течения, ходил моторный катер с 14 пассажирами на борту, снабженный электродвигателем системы академика Якоби, мощностью в 4,5 лошадиных сил. Подобные суда не были пущены в серию лишь из-за того, что паровые двигатели в те годы были намного дешевле.

Лампу накаливания, пригодную для продолжительного освещения, изобрел в 1874 году А.Н. Лодыгин — первый опыт был проведен в Галерной гавани в присутствии публики. В Санкт-Петербурге в том же году тремя электролампами, усовершенствованными Дидерихсом, 2 месяца освещался магазин белья Флорана. В том же году А.Н. Лодыгин основал вместе с купцом Козловым товарищество по продаже своих электроламп и был удостоен Ломоносовской премии в размере тысячи рублей.

В следующем году строителями Александровского моста через Неву применялось уже подводное электрическое освещение при исправлении преждевременно осевшего кессона!

В 1880-м году до торжественного включения «лампочки Ильича» в подмосковной деревне Кашино оставалось еще 40 лет. Это, впрочем, не мешало энтузиастам внедрения в российскую жизнь электричества зажечь на Литейном мосту в Петербурге доселе невиданные электросветильники — ведь новаторы не знали, что в «светлом» будущем именно ту, кашинскую, лампочку объявят первой в России.

Мешало им совсем другое: монополия владельцев газовых фонарей в имперской столице — у них было исключительное право на освещение Питера. Но из этой монополии по каким-то причинам выпал Литейный мост. К нему-то и подогнали судно с электроустановкой, которая зажгла фонари. Коллега Яблочкова, инженер Чиколев, изобрел дуговой регулятор, позволяющий дробить электрический свет от одного и того же источника.

Всего через три года после этой демонстрации «антимонопольного светопредставления» в Петербурге была открыта первая электростанция мощностью 35 киловатт — она размещалась на барже, пришвартованной у набережной Мойки. Там было установлено 12 динамо-машин, ток от которых по проводам передавался на Невский проспект и зажигал 32 уличных фонаря. Станцию оборудовала немецкая фирма «Сименс и Гальске», на первых порах игравшей главную роль в электрификации России.

Знакомый Лодыгина, лейтенант Хотинский, уезжая в Северную Америку, взял с собой несколько русских электролампочек и показал их Томасу Алве Эдисону. С тех пор западный мир не сомневается, кто их изобрел...

В 1886-м, в Петербурге было основано Общество электрического освещения, объединившее ученых и коммерсантов в деле «электрификации всей страны» (эти, приписанные Ленину, слова были уже тогда записаны в уставе). Большую часть акционеров общества составляли иностранцы — в первую очередь тот же концерн «Сименс», — а вот технические кадры были российскими. Здесь работали все будущие создатели плана ГОЭЛРО — Глеб Кржижановский, Леонид Красин, Роберт Классон

и другие. Уже тогда разрабатывались первые проекты масштабного строительства электростанций и линий электропередачи.

Этим обществом с 1901 по 1902, то есть всего за 2 года, была осуществлена полная электрификация нефтедобычи и нефтеперерабатывающих заводов в районе Баку. Мощность введенных электростанций составляла 7900 кВт. Руководил проведением электротехнических работ Р. Э. Классон, в работе принимали участие: Л. Б. Красин, А. В. Винтер, В. Д. Кирпичников.

Общество разработало план электрификации обеих столиц и всей России: электротяга на железной дороге, проекты метрополитена в Питере в 1916 году, Волховской и Днепропетровской ГЭС к 1915–1920 годам; строительство и электрификации Волго-Дона (начат в 1912-м году). В 1899 г. русские и иностранные фабриканты создали Электрический синдикат. Именно его документацию получит «на блюдечке» Ленин после 1917-го года.

В 1888-м году были телефонизированы Харьков и Казань, с 1896-го года Москва соединилась кабелем с Петербургом, а в 1899 году телефонных линий было уже 77, телефоном пользовались 11 171 человек. По телефону могли отправляться и телеграммы. Все проекты и работы в этой сфере осуществлялись исключительно русскими техническими силами.

С помощью трансформаторов инженер Михаил Доливо-Добровольский в 1891 году смог повысить напряжение в сети до 25 тысяч вольт от генераторов в 50 вольт, в 1904 году в России строили электродвигатели для напряжения 20 тысяч вольт, а напряжение поднимали до 40 тыс. в. и более. В Сибири на Ленских золотых приисках действовала электропередача под напряжением 10 тысяч вольт. В том же году шли опыты по постройке электрической железной дороги Севастополь-Ялта — помешало нападение Японии на Россию.

В конце столетия были построены первые ГЭС мощностью более 5 мегаватт — Раушская в Москве и Охтенская в Петербурге. Но столицами дело не ограничивалось — первая в стране электростанция трехфазного тока появилась в 1893 году в Новороссийске. Трехфазный ток, впервые примененный Михаилом Доливо-Добровольским в Германии, сделал гораздо дешевле как выработку электроэнергии, так и ее передачу на большие расстояния. К 1896 году количество электростанций выросло до 35. КПД таких станций приближался к 25% (у современных парогазовых электростанций он достигает 60%). Все они принадлежали частным владельцам, в том числе 12 — Обществу электрического освещения.

15 сентября 1902 года в Киеве было основано Электрическое общество с уставным капиталом в 4 миллиона рублей. С центральной станции общества в квартиры более чем 800 абонентов стал поступать электрический свет. Абоненты платили

2,8 копейки за киловатт-час для ламп накаливания, 1,9 копейки для дуговых ламп и 1,25 — за подключение моторов. Через 3,5 месяца, к 1 января 1903 года число абонентов возросло до 1253 человек, а в Киеве действовало 38 975 ламп накаливания и 380 дуговых фонарей. Все освещение Киевской станции работало от постоянного тока 110 вольт.

В течение 1903 года стоимость пользования электроэнергией подешевело на 4%, что дало свои результаты: к 1 января 1904 г. количество потребителей выросло до 2233 человек. В том же году был заключен договор с владельцем паровой мельницы на введение у него электродвигателя в 153 л.с. К 1 января 1905 г. в Киеве электроэнергией пользовалось 3230 человек. За 1905 год «прибыло полку» в 853 абонента. Электротягой были оснащены Киевское общество водоснабжения, мельница Блиндера и гвоздильный завод. В том же году Киевская электростанция была усилена турбогенератором системы Парсона мощностью в полтора мегаватта.

Темпы электрификации матери городов русских были вынужденно снижены из-за «первой русской революции», «генеральной репетиции», по словам кремлевского мечтателя, после которой сотням магазинов и фирм, сожженных и разгромленных «борцами за светлое будущее», было не до электричества, а стоимость нефти повысилась из-за забастовок, «борцами» же организованных и проплаченных. В то же время «царские эксплуататоры» топили котлы каменным углем, стремясь любым путем удешевить электроэнергию.

В конце 1906 года, в еще не отошедшем от революционного кошмара Киеве было 5178 потребителей электрического освещения с общей нагрузкой 7892,1 киловатта. В киевских квартирах горело 107 654 электролампочки, 526 дуговых фонарей, улицы города освещали 525 дуговых фонарей. В 1907 году на станции был установлен турбогенератор «Браун Бовери» мощностью 1,8 мегаватта.

На электроэнергии в Киеве 1907 года работало 222 предприятия, в том числе 40 слесарных заводов и механических мастерских, 29 типографий, 12 гильзовых заводов, 9 шоколадных фабрик, 6 заводов для выделки минеральных вод, 3 мукомольни и ряд других обществ и фирм.

Заметьте: всему этому чрезвычайно сильно пытались помешать.

В магазинах того времени широко продавались электротехнические товары. В Самаре 1904 года, например, арматуру и принадлежности для электрического освещения, их элементы и электрические звонки, все принадлежности к электрической сигнализации и электролампы можно было купить в магазинах А.В. Гольдебаева и Арефьева (располагавшемся напротив Струковского сада, в д. №159 по Дворянской (совр. Куйбышева) улице).

Началом развития энергетики в Казани принято считать 1896 год, когда была пущена первая в городе и в Казанской губернии электрическая станция постоянного тока на 350 В. Эта электростанция была построена специально для электрического трамвая, пуск которого 18 ноября 1899 года в г. Казани осуществило Бельгийское акционерное общество конно-железных дорог.

В июне 1897 года в городе появилось электрическое освещение. По снабжению электричеством Казань находилась в числе первых десяти городов революционной России.

Русское Электрическое общество «Вестингауз» возникло в июле 1906 года, причем был приобретен в собственность электромеханический завод в Москве, ранее принадлежавший бельгийцам. Он располагался в центре промышленного района по Камер-Коллежскому валу, у Симонова монастыря, на левом берегу реки Москвы.

Оборудование «Вестингауза» составляли самые современные для начала XX века машины и станки, способные обрабатывать как самые мелкие предметы, так и крупные до 10 метров в диаметре. По тому времени он производил самые сложные приборы и механизмы в кратчайший срок: например, два комплекта конверторов по 600Кв, с трансформаторами для Лубянской подстанции, изготовлялись два месяца. В месяц завод выпускал до трехсот машин разных мощностей: динамомашин и моторы постоянного тока четырех типов, от 100 киловатт до 1 мегаватта, серии крановых моторов, моторов для насосов высокого давления, моторы для трамваев. Среди всех «Вестингаузов» русские двигатели отличались наилучшей изоляцией.

Если в 1909 году доля российских капиталов в электротехнической отрасли составляла 16,2%, то к 1914-му она достигла 30%. Во многом это было связано с таможенно-тарифной войной, которую тогдашний министр финансов Витте развязал в 1890-х годах против Германии. Не вдаваясь в детали, скажем, что итогом этой войны стало создание таких условий, когда германским (а именно они лидировали в то время в энергетическом машиностроении) фирмам оказалось выгоднее создавать производства в России, чем ввозить сюда уже готовую продукцию. В целом за годы предвоенного промышленного подъема приращение иностранных инвестиций в энергетическую отрасль составило 63%, тогда как российских — 176%!

Перед самой Второй Отечественной войной (1914 г.) в подмосковном Богородске (нынешний Ногинск) была построена электростанция мощностью 9 мегаватт. На тот момент она была крупнейшей в России, да и в мире таких «гигантов» насчитывалось не более 15 (почти все в САСШ, как тогда назывались США). Она впервые передавала ток по проводам на большое расстояние — до 100 км. Предполагалось построить несколько таких электростанций, способных питать энергией Москву, а в перспективе весь Центральный район страны.

Русские изобретатели думали над освоением громадных ресурсов гидроэнергии. Первая ГЭС (тогда ее называли «водоэнергетической установкой») мощностью 700 киловатт была построена на кавказской речке Подкумок у города Эссентуки в 1903 году. Вторую построили монахи на Соловецких островах. В 1910 году началось строительство Волховской ГЭС, мощность которой должна была достичь уже 20 мегаватт. Ее обещали построить все тот же «Сименс» и американская компания «Вестингауз», проект же разработал русский инженер О. Графтио. А в 1912 году множество компаний и банков объединились в консорциум по строительству гидроэлектростанции на днепровских порогах — будущего Днепрогэса. Экспертизу проекта провели немецкие специалисты; они же предложили проложить в обход будущей ГЭС канал, который сделал бы Днепр судоходным.

Отечественная наука опиралась на развитие своего же предпринимательства. Постепенно россияне теснили иностранцев — особенно после начала Первой мировой войны, когда немцы покинули российский рынок.

Наиболее бурную деятельность развил бакинский нефтепромышленник Абрам Гукасов («не терпевший лоботрясов»), ставший ведущим производителем электрического кабеля и главой АО «Рускабель». На его деньги в Москве был построен крупный завод «Динамо», производивший электромоторы и генераторы по западным технологиям, но из местных деталей. В 1914 году под Москвой была сооружена крупная районная электростанция «Электропередача». Построенная под руководством Р. Э. Классона, эта станция была первой в мире, работающей на торфе. Еще в 1914 году ее включили параллельно станции на Раушской набережной (сегодня — ГЭС-1), которая работает до сих пор, снабжая электроэнергией центр Москвы, в том числе и Кремль.

Тогда же в Первопрестольной открылась фабрика «Светлана» — первый в стране производитель электрических ламп по патентам Эдисона и Свана (хотелось бы знать, отчего же не Лодыгина?!)

Строительство примерной стоимостью 600 млн золотых рублей должно было начаться в 1915 году. Но ему, как и многим другим проектам, помешала Первая мировая война, развязанная кайзером Вильгельмом с целью расчленения и ослабления России.

В 1913 Г.М. Кржижановский выдвинул идею создания крупной ГЭС на Волге около Самары, а накануне большевистского переворота в 1917-м выполнил ряд работ, в которых обосновал значение проблемы строительства мощных районных электростанций на базе местного топлива и гидроэнергии и их объединения сетями высокого напряжения в крупные электроэнергетические системы.

На тепловых электростанциях России и на крупнейших западных начальные параметры пара

были одинаковы (1,3–1,6 МПа; 300–350°C), удельный расход топлива составлял 1,5 кг/кВт/час.

И в России и за рубежом единичные мощности турбин в 1900 г. достигали 3 мегаватт, а электростанций — 10–15 МВт, а к 1913 г. эти показатели возросли соответственно до 10 и 50 мегаватт.

Хотя в области энергетики Российская империя временно отставала от западных стран, развитие отрасли на рубеже XIX и XX веков шло семимильными шагами. В 1913 году мощность всех электростанций России достигла 1 млн 100 тыс. киловатт, а выработка электроэнергии — 2 млрд киловатт-часов.

По этому показателю Россия, еще не так давно — аграрная страна, занимала восьмое место в мире. Но все же производство электричества в России росло быстрее, чем во всех других странах, кроме Северо-Американских Соединенных Штатов, — на

20–25% в год. Подсчитано, что при таких темпах к 1925 году Царская Россия стала бы первой-второй в мире в этой области.

Так что советских «товарищей» поздравляем со-времши!

Литература:

1. Россия: Энциклопедический словарь. — Л.: Лениздат, 1991. — 922 с., ил.
2. Энциклопедический словарь Брокгауз и Эфрон. — С.-Петербург, 1898.
3. Киевское Электрическое Общество. — Киев. 1907.
4. Очерк работ русских по электротехнике с 1800 по 1900 гг. — С.-Петербург, 1900.
5. Русское Электрическое Общество Вестингауз. К VII-му Всероссийскому электротехническому съезду. Главнейшие отрасли производства. — Москва. Тип. П.П. Рябушинского. 1913.

Михаил Бабкин

2 (15) марта 1917 г.: явление иконы «Державной» и отречение от престола императора Николая II

От общественно-политических событий, произошедших в России весной 1917 г., в церковных календарях запечатлелся особый праздник — в честь обретения «Державной» иконы (отмечается ежегодно 2 (15) марта). Эта икона с изображением Пресвятой Богородицы, восседающей на царском троне в короне, со скипетром и державой в руках, была явлена в Вознесенской церкви села Коломенское под Москвой 2 марта 1917 г.: за несколько часов до отречения императора Николая II от престола.

К октябрю того года было составлено «Сказание» о явлении этой иконы. Оно увидело свет на страницах выходившего в Москве периодического издания Афонского Русского Пантелеимонова монастыря. Автор «Сказания» — Николай Лихачёв, священник Вознесенской церкви села Коломенского¹. Факт явления иконы был им истолкован как «великое событие появления милости Божией к страждущему народу Русскому»². О том, что это явление — утешительное и «благодатное событие», означающее «великую милость»³ и «явление любви Богородицы к русскому народу»⁴ было повторено и более поздними повествователями. Причём это толкование фактически стало официальным, поскольку оно безапелляционно засвидетельствовано в статье патриарха Московского и всея Руси Алексия II (Ридигера), увидевшей свет на страницах «Журнала Московской патриархии», а также в комментариях к церковным службам, в «Православной энциклопедии» и в церковной учебной литературе.

Эти «великая милость» и «любовь», по мнению духовенства, заключается в том, что, дескать, по молитвам государя Николая II Царица Небес-

ная взяла на Себя верховную царскую власть над Россией, которую и сохраняет для того, чтобы в определённый момент возратить её на русскую землю⁵. При этом, в современных изданиях говорится, что от этой иконы были «явлены чудеса исцелений»⁶.

Церковные авторы и богословы не приводят никаких доводов для доказательства того, что явление «Державной» иконы — знак «великой милости», «любви» и проч.⁷ Тем более, что события послеоктябрьского периода истории России (и особенно гонения большевиков на РПЦ в 1920–30 гг., организованный властями голод, насильственная коллективизация и проч.) не очень-то свидетельствуют о «милости» и «любви» Божией к русскому народу. И с богословской стороны возникает вопрос: не было ли явление «Державной» иконы знаком приближающегося и неотвратимого гнева Божия за революцию, за бунт против царя как помазанника Божьего? (Наводит на эту мысль, например, алая порфира «Державной» Богородицы, словно отражающая цвет крови...).

В подтверждение этого тезиса можно указать, например, на слова, прозвучавшие в августе и декабре 1917 г., январе, феврале и августе 1918, а также в октябре 1919 и июле 1921 гг. от митрополита Тифлисского Платона, епископа Селенгинского Ефрема (Кузнецова) и патриарха Московского Тихона (Беллавина). Иерархи говорили о гнев Божием, постигшем Россию с 1917 г. Первый из них, от имени Св. синода выступая на открытии Поместного собора, сказал, что Россию «коснулась карающая рука Божия»⁸. Второй из названных архиереев на том же Соборе указал, что в происходящих событиях видно «явное проявление гнева Божия, кара-

03/2009

ющего и зовущего к покаянию»⁹. Третий в своём обращении к пастве по поводу своего вступления на патриарший престол говорил о «године гнева Божия», «многоскорбных и многотрудных» переживаемых днях. В своих посланиях «С призывом к всенародному покаянию в грехах в наступающие дни св. Успенского поста» и «О невмешательстве в политическую борьбу» владыка Тихон призывал всероссийскую паству к молитве, чтобы Господь «укротил Свой гнев, донныне поядающий землю нашу», говорил о необходимости для русского народа очищения «в купели покаяния от многолетних язв»¹⁰. В приветственной речи на открытии соединённого собрания высших органов церковного управления он сказал: «Ныне совершается над Отечеством нашим суд Божий, и суд начинается с дому Божия»¹¹. В своём послании по поводу Брестского мира святейший также говорил о свершающемся в те дни над Россией «страшном суде Божиим»¹². А в телеграмме к епископу Нью-Йоркскому по поводу развернувшегося в 1921 г. в России при содействии властей голода, он просил: «Молитесь, да утихнет гнев Божий, движимый на нас»¹³.

В событиях же, произошедших в России с 1917 г., названные иерархи (в отличие от современных богословов) проявления «милости» и «любви» Божией к русскому народу не усматривали.

Более того, очевидцы «бескровного Февраля» (например, ушедший в эмиграцию архимандрит Константин (Зайцев)) отмечал, что в результате свержения монархии «Россия лишилась Божьей благодати»¹⁴, что её «покинула благодать Божия», что она стала «безблагодатной» и более того — «жертвой бесов»¹⁵. По существу о том же говорилось и в послании Поместного собора 1917–1918 гг., выпущенном 11 ноября 1917 г.: «Ещё недавно великая, могучая, славная, она (Россия. — М.Б.) ныне распадается на части. Покинутая благодатию Божиею, она разлагается как тело, от которого отлетел дух»¹⁶.

В архивных же фондах сохранились первоисточники, датированные мартом и октябрём 1917 г., соответственно: «Запись рассказа крестьянки Е.И. Андриановой об обретении ею Державной иконы Божией Матери» и официальное «Донесение» митрополита Московского Тихона (Беллавина) Св. синоду с достоверным описанием событий, связанных с обретением «Державной» иконы¹⁷. Содержащиеся в них повествования о явлении иконы существенно отличаются от известных, более поздних и широко растиражированных редакций, в которых, во-первых, для придания «благоутошительного» смысла явлению иконы были упущены некоторые детали, связанные со старообрядчеством¹⁸. Эти детали существенно затрудняли «желаемое и нужное» духовенству толкование случившегося события. Во-вторых, в донесении митрополита Тихона, написанном по про-

шествии более полугода со дня обретения иконы, было сказано, что «о чудесах от иконы не было заявлено»¹⁹. Указанные смысловые разночтения свидетельствуют о во многом надуманном характере известного церковного толкования «чуда явления Державной иконы». Непосредственной же целью духовенства, безапелляционно предложившего своё толкование, является, по нашему мнению, создание очередного богословского оправдания свержения царской власти, которое сводится к следующему:

Якобы, в России со 2 марта 1917 г. вместо царя (земного, грешного человека) незримо «правит»...Пресвятая Богородица: до Февральской революции был царь земной, а после неё — Небесная Царица²⁰. При этом исподволь проводится мысль, что поскольку царствование Божией Матери лучше царствования человека-царя, (так как Её правление, в определённом смысле, есть «возврат» к теократии (Богоправлению); а теократия, как повествуется во Священном Писании (см. Первую книгу Царств, гл. 8–12), неоспоримо лучше монархии), то революция, свергнувшая царскую власть и, соответственно, «приведшая к власти» Царицу Небесную, — есть не только осуществление «воли Божией», но и явление «милости и благодати» Её...

Согласно такой, проводимой исподволь пропаганде получается, что февральско-мартовские события 1917 г. для России — благодетельны, поскольку в результате их страна, выражаясь образно, «поднялась на ступеньку вверх» по пути к теократии, стала «ближе» к Богу. (И фактически паства подводится к «парадоксальному» выводу: «Свергать монархию надо было бы намного раньше: чтобы раньше оказаться «ближе» к Богу!»).

Отметим, что во всех службах иконе «Державной» о событиях Февральской революции и о свержении монархии в России не говорится ни слова. Упоминается лишь о том, что явление иконы состоялось «во дни гневного посещения Своего» (то есть Божьего. — М.Б.)²¹. При этом в «Молитве (второй) Божией Матери пред Державною Ея иконою» акафиста говорится: «...Благодарим Тя за неизреченное милосердие Твое, яко благоволила еси явити нам, грешным и недостойным, сию святую и чудотворную икону Твою *во дни сия* (здесь и далее курсив наш. — М.Б.) лукавья и лютыя, яко вихрь, яко буря ветренняя нашедшая на страну нашу во дни *разорения и поругания святых наших* от людей безумных, иже не точию (которые не только. — М.Б.) в сердце, но и *устнами дерзостно глаголют: несть Бог, и в делех сие безбожие показывают*»²².

Очевидно, что вторая часть приведённого предложения в полной мере относится в периоду владычества большевиков. То есть авторы акафиста (среди которых — патриарх Тихон²³), проводя мысль, что явление иконы произошло при боль-

шевиках (что, разумеется, не так), «экстраполируют» события Февральской революции на Октябрьскую.

Налицо определённое противоречие: с одной стороны, обретение иконы произошло 2 марта — в самый, можно сказать, «пик» Февральской революции (в день, охарактеризованный императором Николаем II словами «Кругом измена и трусость, и обман!»²⁴). С другой — в церковных официальных толкованиях говорится о нём как о «благодатном событии», «великой милости», «явлении любви» и проч. А с третьей — в богослужебных книгах проводится тезис, что обретение иконы произошло в дни «гневного посещения [Божия]» и фактически — при ...власти большевиков (при этом о свержении монархии не говорится ни слова). Данное противоречие, на наш взгляд, свидетельствует о том, что явление «Державной» иконы ещё нуждается в осмыслении.

По нашему мнению, официально принятое толкование «чуда явления Державной иконы» фактически является одним из средств богословского оправдания духовенством свержения в России царской власти. Создатели мифотворческого «Сказания о явлении Державной иконы», руководствуясь известными мотивами, вытекающими из проблемы «священства-царства»²⁵, преследовали цель не только «оправдать» в глазах своей паствы революцию, но и подчеркнуть, что наличие в государстве царя как помазанника Божияго, как «проводника» Его воли — и не нужно, что воля Царя Небесного на земле определяется только через священство, что «священство выше царства».

В контексте вышеизложенного, на наш взгляд, более логично предположить²⁶, что изображённая на «Державной» иконе Богородица приняла скипетр и державу скорее не от земного царя, а от ...Царя Небесного. То есть Она, в определённом смысле, «подобрала» царские регалии после того, как Царь Небесный, с позволения сказать, «бросил» их, разгневавшись, видя свержение людьми Своего помазанника — земного царя, через которого Он незримо проводил Свою волю.

Интересен нюанс. Первым, кто сказал о том, что явление «Державной» иконы есть «великое событие появления милости Божией к страждущему народу Русскому», был, как уже говорилось, настоятель Вознесенской церкви села Коломенского священник Николай Лихачёв. Его «Сказание о явлении иконы ...» было опубликовано в октябре 1917 г.²⁷ Однако существует свидетельство, что отношение самого о. Николая Лихачёва к «Державной» иконе было весьма, с позволения сказать, своеобразное. Об этом можно заключить, сопоставив иконографическое описание иконы с воспоминанием одного из современников.

Так, в иконографическом описании подлинника «Державной» иконы, в частности, сказано следующее: «Икона (размер 141×86 см) выполнена масляными красками по коричневому грунту на доске с полукруглым верхом. Низ иконы был опилён (sic! — М.Б.) на 15–20 см, вероятно, после её обретения из-за сильных повреждений доски. На основании художественных особенностей образ датируется концом XVIII в.»²⁸.

А об истории появления этого «отпила» существует следующее воспоминание современника — И.И. Василевского (отец которого — овдовевший священник Иоанн Василевский, ставший в 1923 г. епископом Бронницким, а с 1927 г. — Воскресенским (викарием Московской епархии)): «Вскоре после свержения царя один батюшка, настоятель церкви в селе Коломенском (sic! — М.Б.), под Москвой [...], копаясь где-то там — на чердаке своего храма, обнаружил, среди прочих сложенных там предметов, какую-то икону Божией Матери с Младенцем на руках. Икона эта чем-то ему понравилась, и он приспособил было для неё какой-то киот. Но так как по размерам своим она не подходила к киоту, была несколько длиннее его, то он, «ничтоже сумняся, никогоже боясь», взял ручную пилу и отхватил снизу часть доски вместе с ножками Младенца. (Уж по одному этому можно о его «культуре» судить!) Да-с! Врезав таким образом икону в киот, он выставил её в своём храме на поклонение народу [...]. Батюшка назвал икону эту «Державной Царицей Небесной» [...].»²⁹.

Однако справедливости ради стоит отметить, что И.И. Василевский в своих воспоминаниях, записанных в 1956 г., несколько неточен. На подлиннике иконы «Державной» ножки Богомладенца не повреждены. Повреждён же трон Божией Матери, Её одежды и ступни Её ног.

Таким образом, автор широко растиражированного мнения о «милости» Божией, излитой-де явлением иконы «Державной», обошёлся с самой иконой, мягко говоря, «не благоговейно». Соответственно, и к выдвинутой им версии (ставшей в церковных кругах фактически официальной и общепринятой) доверие не может быть, на наш взгляд, сколько-нибудь значительно.

В целом, вопрос о явлении иконы «Державной» нуждается в дальнейшем исследовании как с исторической стороны проблемы, так и с богословской.

¹ «Сказание о явлении иконы Божией Матери при Вознесенской в селе Коломенском церкви Московского уезда» было опубликовано в журнале «Душеполезный собеседник» (М., 1917. Октябрь. С. 314–315).

Иконографию подлинника см.: Православная энциклопедия. М., Церковно-научный центр «Православная энциклопедия». 2006. Т. 14. С. 436.

² Душеполезный собеседник. М., 1917. Октябрь. С. 314.

³ *Алексий II, патриарх Московский и всея Руси*. Заступница усердная. Коломенская икона Божией Матери «Державная» // Журнал Московской патриархии. М., 1993. № 3. С. 30; Акафист «Державной» иконе Пресвятой Богородицы. Указ. соч. С. 10.

03/2009

- ⁴ *Цытин Владислав, протоиерей.* Русская Церковь 1917–1925 гг. М., Изд. Сретенского монастыря. 1996. С. 11; *Его же.* История Русской Церкви. Кн. IX. 1917–1997 гг. М., Изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря. 1997. С. 13.
- ⁵ *Аверкий (Таушев), архиепископ.* Современность в свете Слова Божия. Слова и речи. N.Y., Джорданвилль, Изд. Свято-Троицкого монастыря. 1975. Т. 2. С. 513; Жития и жизнеописания новопрославленных святых и подвижников благочестия, в Русской Православной Церкви просиявших. (От царствования царя-мученика Николая II Александровича и до наших дней) / Авт.-сост. М.Б. Данилушкин, М.Б. Данилушкина. СПб., Изд. Воскресение. 2001. В 2-х тт.: Т. 1. Январь–июль. С. 309–310; *Андреев И.М.* Краткий обзор истории Русской Церкви от революции до наших дней. N.Y., Джорданвилль, Свято-Троицкий монастырь. 1952. С. 5.
- ⁶ Россия перед вторым пришествием. Материалы к очерку русской эсхатологии / Сост. С.Фомин. М., Изд. Свято-Троицкой Сергиевой лавры. 1993. С. 185–196; Покров Божией Матери над Россией / Сост. Н.К. Симаков. Л., 1991. С. 12–15.
- ⁷ Упомянутые воззрения на явление иконы нашли отражение и в церковных богослужебных чинопоследованиях. Например, в одной службе (составленной при участии патриарха Московского и всея России Тихона (Беллавина), называемой «Празднование Пресвятей Богородице в честь чудотворной Ея иконы, нарицаемая «Державная»», в т. н. стихире стиховне говорится, в частности: «...созывает бо нас Святая Богородица видети икону Свою, лучами милости (здесь и далее курсив наш. — М.Б.) вся православная освещающую». В славословиях другой службы (составленной В.В. Богородицким), имеющей название «Ина[я] служба явлению иконы Пресвяты Владычицы нашея Богородицы «Державная»», в т. н. величании поётся: «Достоинство есть величати Тя, Богородице, земли Русския Царицу Небесную и людей православных Владычицу Державную». А в кондаке этой же службы — слова: «...Темже днесь радуемся и празднуем светло, яко прииде Державная на стражу земли Своея» (Миня. М., Издательский совет РПЦ. 2002. Март. Часть 1. 2 марта. С. 17, 33, 37).
- ⁸ Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 1994. Т. 1. Деяние 2. С. 31.
- ⁹ Деяния Священного Собора ... 1996. Т. 6. Деяние 67. С. 48–49.
- ¹⁰ Церковные ведомости. Пг., 1918. № 1. С. 1; Акты святейшего Тихона, патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 гг. Сборник. Ч. 1, 2 / Сост. М.Е. Губонин. М., Изд. ПСТБИ. 1994. С. 144, 163–164; Следственное дело патриарха Тихона. Сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ / Отв. сост. Н.А. Кривова. М., ПСТБИ, Памятники исторической мысли. 2000. С. 844.
- ¹¹ Прибавления к Церковным ведомостям. Пг., 1918. № 7-8. С. 323; Акты святейшего ... С. 91.
- ¹² Церковные ведомости. Пг., 1918. № 9-10. С. 50–51; Акты святейшего ... С. 108.
И приведённая точка зрения среди духовенства была нередка. Её разделяли и российские эмигранты. Например — епископ РПЦЗ Григорий (Граббе). В 1988 г. он говорил: «Более семидесяти лет ужасно страдает русский народ вследствие того, что он не отверг зачинщиков измены присяги своему Царю. Божие наказание не замедлило (курсив наш. — М.Б.). На смену благостному православному Царю пришла жесточайшая безбожная советская власть. Революция, начавшаяся с измены генералов, вскоре стала всенародной и проникла даже в Русскую Церковь в форме обновленчества» (*Григорий (Граббе), епископ Вашингтонский и Флоридский.* Завет святого патриарха. М., б/и. 1996. С. 78).
- ¹³ Цит. по: *Иванова Е.В.* Святейший Патриарх Тихон и голод 1921–1922 гг. в России // Богословские труды. Вып. 41. 2008. С. 508.
- ¹⁴ Цит. по: *Фомин С.* Россия без Царя // *Серафим (Кузнецов), игумен.* Православный царь-мученик / Сост. С.Фомин. М., Изд. Православный паломник. 1995. С. 744.
- ¹⁵ *Константин (Зайцев), архимандрит.* Чудо русской истории. Сборник статей. N.Y., Джорданвилль, Свято-Троицкий монастырь. 1970. С. 266–267.
- ¹⁶ Деяния Священного Собора ... 1994. Т. 3. Деяние 38. С. 185–187.
- ¹⁷ Центральный исторический архив Москвы (ЦИАМ). Ф. 1176. Оп. 1. Д. 138. Л. 89–89об.; Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 445. Д. 348. Л. 6–8.
- ¹⁸ Помимо этого, в комментарии к службе иконы «Державной» в богослужебной книге РПЦ говорится, что при откровении крестьянке Евдокие Адриановой (написание фамилии — по тексту источника. — М.Б.) о необходимости обрести икону Божией Матери было явлено, что «огненные через неё («Державную» икону. — М.Б.) будет явлено Небесное Покровительство и Заступничество Царицы Небесной» (Миня. М., Издательский совет РПЦ. 2002. Март. Часть 1. 2 марта. С. 42). Однако в упомянутых первоисточниках такие «подробности» не содержатся (см.: ЦИАМ. Ф. 1176. Оп. 1. Д. 138. Л. 89–89об.; РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 348. Л. 6–8).
- ¹⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 348. Л. 7.
Впрочем, рукою митрополита Тихона на его донесении позже были сделаны две пометки карандашом: 1) вставлено слово «тогда*», чтобы читалось «тогда* не было заявлено» и 2) внесена соответствующая подстраничная сноска: «*Теперь поступают такие заявления, — и проверяются».
- ²⁰ Например, в церковной энциклопедии говорится, что совпадение дня явления иконы «Державной» с днём отречения от престола императора Николая II «было воспринято русским православным народом как символическое свидетельство передачи верховной царской власти (sic! — М.Б.) и попечительства о России Самой Богородице» (Православная энциклопедия. 2006. Т. 14. С. 436).
Однако современники (например, ближайший соратник патриарха Тихона архиепископ Иларион (Троицкий), архиепископ Гдовский Димитрий (Любимов) и епископ Стародубский Дамаскин (Цедрик) отождествляли господство большевиков вовсе не с «властью Богородицы», а с «властью анти-Христа», «антихристовой властью», «властью сатанинской», которую, согласно псалмов библейского царя Давида, «каждый верующий должен «ненавидеть полной ненавистью»» (см.: Акты святейшего ... С. 525, 529; *Шкаровский М.В.* Судьбы иосифлянских пастырей. Иосифлянское движение Русской Православной Церкви в судьбах его участников. Архивные документы. СПб., Изд. Сатис, Держава. 2006. С. 530, 532, 543).
Так что согласно проповеди одних представителей духовенства, с 1917 г. Россией правит ...Божия Матерь. Согласно проповеди вторых — ...антихрист. Таким образом, налицо — ярко выраженное противоречие...
- ²¹ Акафист «Державной» иконе Пресвятой Богородицы. М., Издательство Московской патриархии. 1995. С. 13, 17.
- ²² Там же. С. 27.
- ²³ См. об этом: Православная энциклопедия. 2006. Т. 14. С. 436
- ²⁴ Архив новейшей истории России. Т. III. Указ. соч. С. 52.
- ²⁵ Взаимоотношения иерархической и царской властей с точки зрения историко-богословской проблемы «священства-царства» рассматриваются в монографии: *Бабкин М.А.* Духовенство Русской православной церкви и свержение монархии (начало XX в. — конец 1917 г.). М., Изд. Государственной публичной исторической библиотеки России. 2007. — 532 с.
- ²⁶ Более логично — по сравнению с известной «официальной версией» о проявлении «великой милости Божией» и «любви Богородицы к русскому народу», выраженных в обретении иконы «Державной».
- ²⁷ См.: Душеполезный собеседник. М., 1917. Октябрь. С. 314–315.
- ²⁸ Православная энциклопедия. 2006. Т. 14. С. 436.
- ²⁹ Цит. по: Современники о патриархе Тихоне. Т. 1. С. 109, 302–303.

Василий Цветков

Правовые основы отречения. Допустимость отречения за Цесаревича

Отречение могло считаться абсолютно неправомерным в случае, если оно совершалось бы за совершеннолетнего, полностью право — и дееспособного члена Царствующего Дома или Наследника Престола. Но Государь отрекался за своего сына Алексея, достигшего в феврале 1917 г. лишь 12 с половиной лет (совершеннолетие наступало в 16 лет). Государь не нарушал законов, а действовал в полном соответствии со статьей 199-й, согласно которой «попечение о малолетнем лице Императорской Фамилии принадлежит его родителям; в случае же кончины их, или иных, требующих назначения опеки, обстоятельств, попечение как о личности, так и об имуществе малолетнего и управление его делами вверяется опекуну». Несоввершеннолетний Цесаревич не мог и не имел права единолично издавать каких-либо законодательных актов (в том числе о принятии Престола или отречении от него). По оценке депутата III и IV-й Государственной Думы, члена фракции «Союза 17 октября», Н.В. Савича «Цесаревич Алексей Николаевич был еще ребенком, никаких решений, имеющих юридическую силу, он принимать не мог. Следовательно, не могло быть попыток заставить его отречься или отказаться занять Престол»¹. И хотя 199-я статья не говорит об отречении как таковом, совершенно очевидно, что слова «попечение о личности» и «управление делами» относятся и к действующему государственному статусу несовершеннолетнего Наследника, а не касаются исключительно воспитательных вопросов.

Как свидетельствуют источники, первоначальный текст акта об отречении соответствовал варианту, полностью предусмотренному Основными Законами, а именно: «...В тяжелую годину ниспосланных тяжких испытаний для России Мы, не имея сил вывести Империю из тяжкой смуты, переживаемой страной перед лицом внешнего врага, за благо сочли, идя навстречу желаниям русского народа, сложить бремя врученной нам от Бога власти. Во имя величия возлюбленного русского народа и победы над лютым врагом призываем благословение Бога на сына Нашего, в пользу которого отречаемся от Престола Нашего. Ему до совершеннолетия — регентом брата Нашего Михаила Александровича...»². Тем самым, Наследник вступал бы на Престол при регентстве Михаила Романова. Данная процедура могла полностью вписаться в законодательную систему Российской Империи. Но Государь отказался от нее после консультаций с профессором С.П. Федоровым, заявившем о неизлечимости болезни Наследника (гемофилия), и принял решение об отречении за сына («я

не могу расстаться с Алексеем..., раз его здоровье не позволяет, то я буду иметь право оставить его при себе»)³.

Аналогии с гражданским правом (опекун не мог отказаться от наследства, передаваемого наследнику), во-первых, несостоятельны по причине различной природы права (гражданское и государственное право разнятся в своих объектах и субъектах), и, во-вторых, не применимы к акту отречения Николая II. Действительно, правовая основа опекунства, согласно Основным Законам, предусматривала возможность «правительства и опеки» (то есть главы власти и главы семьи) в «одном лице совокупно или же раздельно». При первоначальном варианте отречения от Престола «правительство» передавалось Михаилу Александровичу, а опекуном становился бы Николай II. В этом случае он оставался членом Дома Романовых, а не носителем власти. Еще 1 августа 1904 г., после рождения Цесаревича, Николай II Высочайшим Манифестом утвердил: «на случай кончины Нашей, прежде достижения Любезнейшим Сыном Нашим... совершеннолетия, назначили Правителем Государства до Его совершеннолетия, Брата Нашего Великого Князя Михаила Александровича». И хотя 30 декабря 1912 г. этот Манифест был отменен (в частности, по причине неравного (морганатического) брака Михаила Романова), акт отречения в первоначальной редакции должен был бы восстановить статус Михаила в качестве Правителя Государства.

Противники отречения за Наследника склонны были уравнивать акт отречения Николая II с фактом его кончины⁴. Приводилась ссылка на статью 44 Основных Законов, согласно которой «...по кончине Его (Государя Императора — В.И.), правительство государства и опека над лицом Императора в малолетстве принадлежат отцу или матери». Также, согласно статье 200 «Каждому лицу Императорского Дома предоставляется, на случай своей кончины, назначить опекуна к остающимся после него малолетним его поколения, и если духовное о том распоряжение при жизни завещателя утверждено Государем, то оно долженствует быть исполнено в полной его силе». По статье 201-й: «Когда завещание умершего не было утверждено при жизни его Самим Императором, или завещания такового вовсе не окажется, то попечение над оставшимися его поколения принимает Император на Себя, и в таком случае опекун назначается Высочайшею властью».

Но Николай Александрович Романов был жив и как член Царствующего Дома и как, условно говоря, «физическое лицо». По статье 141-й «Кончина

03/2009

Особ Императорского Дома означается так же, как и рождение их, в родословной книге». Акт отречения никоим образом не мог быть приравнен к кончине.

Следует учитывать то, что акт отречения за себя и за сына был единым и утверждался в качестве официально последнего и единого акта Царствующего Императора. Тем самым не нарушалась и 43-я статья, согласно которой «Назначение Правителя и Опекунa, как в одном лице совокупно, так и в двух лицах раздельно, зависит от воли и усмотрения Царствующего Императора...». Николай II прецедентно, единолично разрешал вопрос и о Правителе и об опекуне: он стал уже не нужен, так как Алексей Николаевич Романов также утрачивал свой статус Наследника Цесаревича.

Единственной, хотя и весьма неопределенной правовой перспективой, могло бы стать обжалование решения своего отца самим Цесаревичем и заявление о своих правах на Престол согласно степени родства. Но и подобное, гипотетическое положение могло бы возникнуть не ранее совершеннолетия Алексея Николаевича Романова (то есть в 1920 г.) и лишь в том случае, если бы «Основные законы» не были бы к этому моменту пересмотрены Учредительным Собранием или преемником Престола Михаилом Александровичем Романовым, как это и предусматривалось отречением Николая II.

¹ Савич Н.В. Воспоминания, СПб, 1993, с. 220.

² Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. Л., 1927, с. 109-110, 222.

³ Мордвинов А.А. Последние дни Императора. // Отречение Николая II. Воспоминания очевидцев. Л., 1927, с. 109-110.

⁴ Набоков В.Д. Временное правительство и большевистский переворот. Лондон, 1988, с. 27.

Право единоличных решений у Государя

Отречение Государя было правомочным не только в контексте соответствия нормам законов о Престолонаследии. Оно вполне соответствовало и его статусу главы государственной власти. Несмотря на то, что Российская Империя после Высочайшего Манифеста 17 октября 1905 г. развивалась уже как «думская монархия», статья 4-я Основных Законов гласила: «Императору Всероссийскому принадлежит верховная самодержавная власть». Важнейшее условие для существования и развития «думской монархии» предусматривалось статьями 7-й, согласно которой законодательная власть разделялась Императором с законодательными учреждениями, — «Государь Император осуществляет законодательную власть в единении с Государственным Советом и Государственной Думой», — и 44-й, гласившей, что «никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного Совета и Государственной Думы и воспринять силу без утверждения Государя Императора». При этом и Государственная Дума и Государственный Совет уравнивались в своих законодательных правах со-

гласно статье 65-й Основных законов: «Государственный Совет и Государственная Дума пользуются равными в делах законодательства правами». Российскому «парламенту» принадлежало право запросов и законодательной инициативы (статья 65-я): «Государственному Совету и Государственной Думе... предоставляется возбуждать предположения об отмене или изменении действующих и издании новых законов».

Но, несмотря на это нововведение, статья 8-я наделяла Государя правом законодательной инициативы и исключительным правом пересмотра Основных Законов: «Государю Императору принадлежит почин по всем предметам законодательства. Единственно по Его почину Основные государственные законы могут подлежать пересмотру в Государственном Совете и Государственной Думе». Законодательная инициатива Государя в отношении Основных Законов подтверждалась и статьей 65-й, «почин пересмотра которых (Законов — В.Ц.) принадлежит единственно Государю Императору».

Статья 10-я устанавливала безусловный приоритет власти Государя в системе исполнительной власти: «Власть управления во всем ее объеме принадлежит Государю Императору в пределах всего Государства Российского. В управлении Верховном власть Его действует непосредственно (то есть не требует согласования с какими-либо структурами — В.Ц.); в делах же управления подчиненного определенная степень власти вверяется от Него, согласно закону, подлежащим местам и лицам, действующим Его именем и по Его повелениям». Особое значение имела 11-я статья. Она позволяла Государю издавать нормативные акты единолично: «Государь Император в порядке Верховного управления издает, в соответствии с законами, указы для устройства и приведения в действие различных частей государственного управления, а равно повеления, необходимые для исполнения законов». Данные акты, также могли приниматься единолично, хотя и не должны были менять существа Основных законов. Верховное управление обеспечивало значительную степень независимости власти Императора. Устанавливалась градация нормативных актов. «Законы», действительно, требовали предварительного обсуждения в Думе или Совете (порядок их обсуждения утверждала 3-я глава «О законах»), но «указы и повеления», издаваемые «в порядке верховного управления», никакого обсуждения не требовали и лишь «скреплялись» председателем Совета министров или «подлежащим министром». Помимо этого Государю принадлежало единоличное право издания внешнеполитических актов и «верховное начальствование над всеми сухопутными и морскими вооруженными силами Российского государства» (на практике это реализовалось в принятии Государем Верховного Главнокомандования в 1915 г.).

Таким образом, «верховная самодержавная власть» сама по себе делала Государя высшим носи-

телем и единственным источником права при издании определенных категорий законодательных актов. Акт отречения от Престола вполне соответствовал статусу издаваемого в «порядке верховного управления», поскольку он не менял системы власти, утвержденной Основными Законами, сохраняя монархический строй. Но даже и при этом Государь выразился о своем отречении — «в согласии с Государственной Думой» — как бы разделяя правовую ответственность за это свое решение.

Нормы, относившиеся к статусу Царствующего Дома, имели особое значение. Статьи 24 и 25-я Основных Законов предусматривали, что постановления Свода Законов, относящиеся к порядку престолонаследия, о совершеннолетию Государя, о правительстве и опеке, о вступлении на Престол и о священном короновании и миропомазании «сохраняют силу законов основных», а «Учреждение о Императорской Фамилии» (статьи 125–223 Основных Законов), «сохраняя силу законов основных, может быть изменяемо и дополняемо только лично Государем Императором в преуказываемом им порядке». Как указывалось выше, при отречении за Цесаревича Государь ориентировался, в частности, на статьи «Учреждения» (в отношении «опеки и правительства» при несовершеннолетию Наследника) и, следовательно, имел полное право их прецедентного, единоличного изменения.

Соответствие форме

Составляя и подписывая акт об отречении, Государь не нарушал и формального порядка издания. Отречение было скреплено подписью «подлежащего министра». Министр Императорского Двора генерал-адъютант граф Б.В. Фредерикс являлся как раз таким министром, поскольку все акты, касавшиеся «Учреждения об Императорской Фамилии», акты, имевшие отношение к Престолонаследию, скреплялись именно им. Ни карандашная подпись Государя (впоследствии защищенная лаком на одном из экземпляров), ни цвет чернил или графита не делали акта недействительным, не меняли его сути. Дело в том, что напечатанный текст отречения, который считался нередко неким «Манифестом» (так называли его в прессе того времени), представлял собой всего лишь «рабочий» текст, телеграмму — «черновик», на основании которой следовало затем издать «Манифест» уже в надлежащей форме, с соответствующим заглавием — «Божией Милостию Мы, Николай Второй Император и Самодержец Всероссийский...» и даже не факсимильной подписью, а напечатанным текстом — «на подлинном Собственною Его Императорского Величества рукою подписано: Николай». Тот факт, что в прессе был опубликован, по сути, «рабочий» вариант, без заглавия и подписи в соответствующей форме, было не следствием намерения сделать «отречение недействительным», а стало результатом поведения типографских служащих и депутатов образованного Петроградского Совета, отказавшихся

печатать Манифест, требовавших «полной ликвидации самодержавия» и «низложения» даже не вступившего на Престол Михаила Александровича¹.

«Шапка» акта, написанная на имя Начальника Штаба Главковерха генерала Алексеева, объясняется тем, что к моменту отречения Совет Министров фактически перестал существовать. Еще 27 февраля 1917 г. председатель Совета министров князь Н.Д. Голицын прислал телеграмму Государю о коллективной отставке правительства (формально она не была принята Государем). Председатель Государственного Совета И.Г. Щегловитов был арестован революционерами. Отправлять акт Государственной Думе, также формально прервавшей свою сессию по указанию Государя, не вписывалось в логику законодательства. В этой ситуации Николай II использовал свои полномочия Верховного Главнокомандующего и единственно работоспособный в то время аппарат Ставки. Согласно «Положению о полевом управлении войск в военное время» именно начальник штаба был «ближайшим сотрудником» Главковерха. Согласно статье 45-й «все распоряжения Верховного Главнокомандующего, объявляемые начальником штаба словесно или письменно, исполняются как повеления Верховного Главнокомандующего». При передаче подписанного акта отречения генерал Алексеев сделал важную отметку: «Настоящую телеграмму прошу срочно передать во все армии и начальникам военных округов по получении по телеграфу Манифеста, какой должен быть передан во все армии и, кроме того, напечатан и разослан в части войск». Это указание из Ставки предполагало обязательную публикацию акта в форме Манифеста. Но этого не произошло. Акт с отметкой генерала Алексеева был опубликован на страницах «Русского Инвалида» (военной газете), тогда как в Собрании узаконений и распоряжений Правительства текст акта Николая II был опубликован уже без отметки генерала Алексеева².

¹ согласно воспоминаниям проф. Ю.В. Ломоносова «бумагу об отречении» неоднократно пытались изъять и уничтожить. Ломоносов Ю.В. Воспоминания о мартовской революции, Стокгольм — Берлин, 1921, с. 57–60; В псевдоисторической публицистике встречается, иногда, весьма любопытное утверждение: «рабочие Петрограда, узнав, что изменник — Гучков привез текст отречения Государя, хотели этот манифест уничтожить, а Гучкова казнить». Так бунтовщики-революционеры становятся ревностными защитниками монархии.

² Русский инвалид, Петроград, № 56, 5 марта 1917 г.; Собрание узаконений и Распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате, Петроград, № 54, 6 марта 1917 г., Отдел 1, ст. 344.

Возможность новой модели управления

Итак, с точки зрения формального права отречение Государя не может быть признано незаконным. Как отец несовершеннолетнего Наследника и Царствующий Император он отрекся за Цесаревича (ст. 199). В соответствии с установившейся правовой

03/2009

практикой им были подписаны также указы Правительствующему Сенату о назначении Наместника Кавказа и командующего Кавказским фронтом Великого Князя Николая Николаевича Верховным Главнокомандующим, а председателем Совета министров — главы Земского-городского Союза князя Г.Е. Львова (причем, для четкого соблюдения формы на указах было поставлено время — 14 часов 2 марта 1917 г., что предшествовало времени отречения — 15 часов 2 марта 1917 г.). Перед этим Государь дал согласие на назначение командира 25-го армейского корпуса генерал-лейтенанта Л.Г. Корнилова командующим Петроградским военным округом (по телеграфному запросу Председателя Временного Комитета Государственной Думы М.В. Родзянко). Таким образом можно было говорить и о сохранении власти Дома Романовых, и о сохранении общего порядка управления, и о правопреемственности, к которой стремился Государь. Правда, форма данных актов не соответствовала принятой, поскольку скреплялись они все тем же графом Фредериксом (единственным членом Совета министров, бывшим вместе с Государем), хотя уже не относились к его компетенции¹.

Не отличавшийся консервативной репутацией Михаил Александрович Романов во главе государства, авторитетный военачальник Великий Князь Николай Николаевич Романов во главе вооруженных сил, либеральный, готовый к компромиссам председатель Совета министров и популярный, но «волевой» генерал во главе столичного округа... Подобное сочетание руководителей военной и гражданской власти, как казалось многим, наилучшим образом обеспечивало необходимое для победы «единство фронта и тыла». Очевидно, отрекавшийся от Престола Государь также верил в прочность подобной военно-политической комбинации.

Последующие перемены, в случае принятия власти Великим Князем Михаилом Александровичем, могли происходить только в рамках полномочий законодательной и исполнительной властей, при неизменной монархической форме правления, носителями которой оставался Царствующий Дом Романовых. Усиления полномочий представительной власти требовала известная декларация парламентского «Прогрессивного блока»: «создание объединенного правительства из лиц, пользующихся доверием страны и согласившихся с законодательными учреждениями...». Еще в конце 1916 г. деятели парламентского «Прогрессивного блока» рассчитывали на «дворцовый заговор», целью которого было «отречение самого Николая II и передача власти при малолетнем Императоре Алексее регенту — брату Царя Михаилу». По свидетельству А.Ф. Керенского, во время «секретных заседаний блока... практически выработывалось положение о правах регента, регентского совета, об образовании правительства, ответственного перед народным представительством, намечался даже личный

состав первого парламентского кабинета России (многие из этого состава оказались членами Временного правительства после падения монархии)...»².

Действительно, в самом начале революционных событий подобная модель управления казалась наиболее оптимальной для удовлетворения запросов оппозиции при сохранении основ политической власти. 1 марта 1917 г. Государь согласился на утверждение Манифеста об «ответственном министерстве»: «...Я признал необходимым призвать ответственное перед представителями народа Министерство, возложив образование его на председателя Государственной Думы Родзянко из лиц, пользующихся доверием страны». Но уже 2-го марта вариант такого «ответственного министерства» перестал удовлетворять парламентскую и, тем более, революционную оппозицию, и в политическую «повестку дня» встал вопрос об отречении Государя в пользу Цесаревича при регентстве Михаила Романова, с сохранением при этом условия «ответственного министерства».

Государь сперва принял предлагаемый проект, но, как известно, после консультаций о состоянии здоровья Наследника изменил свое решение в пользу Михаила.

Своеобразный вариант политической модели предлагался, кстати отметить, бывшими в Петрограде Великими Князьями Михаилом Александровичем, Кириллом Владимировичем и Павлом Александровичем. В проекте «Манифеста» (т.н. «Манифест Великих Князей»), переданном Родзянко, Великие Князья предусматривали некое сочетание «ответственного министерства» с созданием нового представительного Собрания при сохранении власти самого Николая II. Текст проекта, который предполагался к утверждению Государем, декларировал: «...в твердом намерении переустроить Государственное Управление в Империи на началах народного представительства, Мы предполагали приурочить введение нового Государственного строя к дню окончания войны... События последних дней, однако, показали, что правительство, не опирающееся на большинство в законодательных учреждениях, не могло предвидеть возникших волнений и властно их предупредить... Осеня себя крестным знаменем, мы представляем Государству Российскому конституционный строй и повелеваем продолжать прерванные Указом Нашим занятия Государственного Совета и Государственной Думы и поручаем председателю Государственной Думы немедленно составить Временный кабинет, опирающийся на доверие страны, который в согласии с Нами озаботится созывом законосовещательного (не законодательного — *В.Ц.*) Собрания, необходимого для безотлагательного рассмотрения имеющим быть внесенным правительством проекта новых Основных Законов Российской Империи». Законодательная инициатива в этом случае передавалась правительству, сформированному на основе

соглашения с законодательными палатами, но в дальнейшем «законосовещательное Собрание» призывалось пересмотреть Основные Законы и, очевидно, окончательно утвердить в России «парламентарную монархию»³.

Но и в случае реализации акта отречения Государя в той форме, как это было окончательно решено 2 марта 1917 г., Российская Империя становилась «парламентарной монархией». Об этом прямо свидетельствовала фраза: «Заповедуем Брату Нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены». По словам члена ЦК кадетской партии, управляющего делами Временного правительства, редактора кадетского официоза «Речь» — В.Д. Набокова «могло бы быть создано не Временное Правительство, формально облеченное диктаторской властью и фактически вынужденное завоевать и укреплять эту власть, а настоящее конституционное правительство, на твердых основах закона, в рамки которого вставлено бы было новое содержание».

По оценке современников — монархистов «Император Николай II был исключительно подходящий человек для роли конституционного монарха. Умный, с большой памятью, гибкий, мягкий и обладающий необыкновенной выдержкой, он фактически довел страну до небывалого развития; Россия, если ее не втянули бы в войну, оставаясь Единой, Неделимой при условии введения необходимой децентрализации, сегодня могла быть при том же Императоре Николае II самой могущественной и счастливой Империей всех времен. Царская Семья же останется в истории этики на недостижимом пьедестале...»⁴.

¹ Документы к «Воспоминаниям» генерала А.С. Лукомского // Архив русской революции, Берлин, 1921, т. III, с. 264–265.

² Керенский А.Ф. Революция 1917 года // История России, Иркутск, 1996, с. 383–384.

³ Документы к «Воспоминаниям» генерала А.С. Лукомского // Архив русской революции, Берлин, 1921, т. III, с. 258–259; ГА РФ. Ф. 5881. Оп.2. Д. 366, Лл. 14–15.

⁴ ГА РФ. Ф. 601. Оп.1. Д. 2100а. Л.5; Набоков В.Д. Указ. Соч. с. 28; Э.Г. фон Валь. Значение и роль Украины в вопросе освобождения России от большевиков на основании опыта 1918–1920 гг., Таллинн, 1937, с. 61–62.

Непринятие Престола Михаилом Александровичем Романовым. Отказ от Престола?

Иную правовую природу и, как оказалось, совершенно иные политико-правовые последствия, повлек за собой акт Великого Князя Михаила Александровича 3 марта 1917 г. Согласно Основным Законам Великий Князь обязан был подчиняться Главе Царствующего Дома и, следовательно, не мог отказаться от принятия Престола без чрезвычайных причин. Несмотря на то, что статья 220-я утверждала, что «Каждый Член Императорского Дома обязуется к лицу Царствующего, яко к Главе Дома и Самодержцу, совершенным почтением, по-

виновением, послушанием и подданством», а статья 222-я предупреждала: «Царствующий Император, яко неограниченный Самодержец, во всяком противном случае имеет власть отрешать неповивающегося от назначенных в сем законе прав (т.е. имел право единолично «отрешать» и от прав наследования — В.Ц.) и поступать с ним яко преслушным воле монаршей», Михаил Романов счел возможным не принимать Престол.

Здесь нужно учитывать еще один принципиально важный правовой момент. В написанном Михаилом акте не было слов, свидетельствующих именно об «отказе» от Престола, а говорилось лишь об отсрочке вступления на Престол, и о его принятии в соответствии с волей Учредительного Собрания. Отказ от принятия Престола, как таковой, становился бы уже абсолютной правовой новацией, ни с чем не сравнимым прецедентом. Но на это не решился ни Михаил Александрович Романов, ни окружавшие его 3 марта политики и праведы.

В тезисе о представительном Собрании получала, таким образом, дальнейшее развитие идея законосовещательного органа, высказанная еще в «Манифесте Великих Князей». Власть Великого Князя получала бы поддержку представительной власти, что в условиях роста беспорядков и начинающейся революции, было существенно необходимым. Считалось, что при занятии Престола Цесаревичем из-за его «малолетства», революционные деятели не посмели бы лишиться его власти насильем. По словам Гучкова «маленький Алексей... являлся бы не только символом, но и воплощением монархической власти, и нашлось бы немало людей, готовых умереть за маленького Царя»¹. А для Михаила Александровича более важной становилась «всенародная поддержка» в той форме, насколько ее могла обеспечить представительная структура.

Но в акте Михаила Романова это, еще не созданное, Собрание наделялось уже учредительно-санкционирующими правами. Если акт об отречении Николая II существенно усиливал полномочия законодательных палат, но при этом сохранял монархическое устройство («призываем всех верных сынов Отечества... повиновением Царю... помочь Ему, вместе с представителями народа, вывести Государство Российское на путь победы, благоденствия и славы...»), то акт Михаила Романова создавал прецедент пересмотра Основных Законов еще не существующей государственной структурой — российской Конституантой: «...принял я твердое решение в том лишь случае воспринять верховную власть, если такова будет воля великого народа нашего, которому надлежит всенародным голосованием, чрез представителей своих в Учредительном собрании, установить образ правления и новые основные законы Государства Российского...». В акте провозглашалось и новое избирательное законодательство, по существу т.н. «четырёххвостка» (всеобщее, прямое, равное и тайное голосование). По оценке депутата Государственной Думы

03/2009

В.А. Маклакова: «...законным было только отречение Николая..., моментом предрешившим крушение России было отречение Михаила. До него, до Февральских дней все было исправимо. После сего остановить ход событий было уже нельзя..., в отречении Михаила сказался кульминационный пункт торжества революции, т.е. отход от легальных путей, сход с рельсов..., дело в упразднении конституции, в уничтожении всякой легальной основы для дальнейшей государственной деятельности». Примечательна, в этой связи, и оценка Маклаковым необходимых действий генерала Корнилова в августе 1917 г.: «...если бы Корнилов попытался остановить революцию, он должен был бы вернуться к «законности». Законность кончилась с отречением Великого Князя Михаила, и поэтому необходимо было бы вернуться к этой исходной точке. Он (Корнилов — В.Д.) должен был бы опереться на акт отречения Императора Николая II, который был последним законным актом, и восстановить монархию...». Еще категоричнее, высказывался, уже в Зарубежье, С.П. Мельгунов: «Преступным актом 3 марта все было скомпрометировано: манифест явился сигналом восстания во всей России»².

Совершенно беспрецедентным было и решение передать власть не существовавшим структурам, а новообразованным. Если возможность «отсрочки» принятия Престола в ожидании поддержки со стороны всенародного представительного Собрания диктовалась Великому Князю Родзянко и Львовым, то очевидно, что передача власти Временному правительству стала результатом усилий «кадетских юристов» (по выражению Родзянко) В.Д. Набокова и Б.Э. Нольде, редактировавших акт Михаила Романова («...прошу всех граждан Державы Российской подчиниться Временному правительству, по почину Государственной Думы возникшему и обеспеченному всею полнотою власти впредь до того, как созванное в возможно кратчайший срок, на основе всеобщего прямого равного и тайного голосования, Учредительное собрание своим решением об образе правления выразит волю народа...»)³.

Слова фразы о «всей полноте власти» Временного правительства принадлежали Набокову. Он

же написал и сам текст акта, лишь подписанный Михаилом. Набоков признавался в своих воспоминаниях: «мы не видели центра тяжести в юридической силе формулы, а только в ее нравственно-политическом значении». Тем не менее, именно актом Михаила Романова, составленном «кадетскими юристами», была продекларирована власть Временного правительства: «акт... подписанный Михаилом, был единственным актом, определившим объем власти Временного правительства и вместе с тем разрешившим вопрос о формах его функционирования, — в частности (и главным образом), вопрос о дальнейшей деятельности законодательных учреждений...». Изначально правительство должно было стать лишь авторитетным коалиционным «кабинетом», ответственным перед законодательными палатами. После акта «считалось установленным, что Временному правительству принадлежит в полном объеме и законодательная власть»⁴.

Сам Великий Князь считал свое решение вполне оправданным. Он формально не отказался принять Престол, но, в то же время, смог избежать, как ему казалось, ненужного кровопролития, неизбежного в случае «подавления революции». С другой стороны его собственная жизнь также подвергалась опасности со стороны непримиримых противников монархии. По воспоминаниям Н. Могилянского 11 марта 1917 г. на завтраке у Великого Князя Георгия Михайловича Михаил сказал: «Я очень обязан тем, кто отговорил меня. Ведь в случае моего согласия было бы страшное кровопролитие... Я не хотел быть виновником капли русской крови...»⁵.

¹ Из воспоминаний А.И. Гучкова. Временное правительство // Последние новости, Париж, № 5658, 20 сентября 1936 г.

² Совершенно лично и доверительно. Б.А. Бахметев — В.А. Маклаков, Переписка. 1919–1951 гг. Под ред. О.В. Будницкого. т. 3, М., 2002, с. 164, 370–371; Маклаков В.А. Из воспоминаний, Нью-Йорк, 1954, Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 года, Париж, 1961, с. 357.

³ ГА РФ. Ф. 601. Оп.1. Д. 2100а. Л.7; Собрание Узаконений и Распоряжений Правительства, издаваемое при Правительствующем Сенате. Петроград, № 54, 6 марта 1917 г., ст. 345.

⁴ Набоков В.Д. Указ. Соч. с. 32–33.

⁵ Могилянский Н. Свидание и разговор с Великим Князем Михаилом Александровичем // Русская мысль, Прага, 1922, кн. VI–VII, с. 266–267; Родзянко М.В. Указ. Соч. с. 62.

КАППЕЛЬ И КАППЕЛЕВЦЫ

2-е изд., испр. и доп. — М.: Посев, 2007. — 718 с.

Вторая книга серии «Белые войны» посвящена известному генералу — герою Белого движения на Востоке России генерал-лейтенанту Владимиру Оскаровичу Каппелю. В основу книги легли архивные документы и воспоминания, дневники офицеров частей Волжского корпуса, а также впервые издающиеся в России воспоминания полковника В.О. Вырыпаева.

Отдельную часть книги составили работы современных историков.

Цена — 450 р.

Михаил Вовк

Неизвестные партизаны

Все дальше от нас уходят события Второй мировой войны. Но, как ни странно, все новые и новые факты становятся известны историкам, вводятся в научный оборот, обсуждаются (иногда очень остро) общественностью.

Так, особый интерес вызывают некоторые сведения об антифашистском сопротивлении на западе СССР, особенно, на территориях, аннексированных им в 1939 году.

Долгое время в советской историографии было принято считать, что все оно было просоветским. А тот факт, что в годы войны существовали формирования комбатантов, настроенных как антифашистски, так и антисоветски замалчивался. В последние годы появились исследования, представляющие так называемую «третью силу» — борцов, одновременно сражавшихся на два фронта. Примером такой силы на Украине была Украинская Повстанческая Армия — отряды украинских националистов, сражавшихся за независимость страны, в Прибалтике — различные вооруженные структуры т.н. лесных братьев, которые воевали за освобождение своей родины от любых «оккупантов». Из этого списка западных территорий, аннексированных СССР, выпадает Белоруссия. Принято считать, что все ее население, которое не пошло на службу к немецким оккупантам, воевало в рядах красных партизан.

Тем не менее, это не совсем так. По воспоминаниям одного из сослуживцев генерала Власова немецкого капитана Вильфрида Штрик-Штрифельда — на территории Белоруссии Смоленщине и Брянщине в годы Второй мировой войны антинаемецкое партизанское движение имело и антикоммунистический характер.

Неискушенному читателю может показаться, что речь идет о партизанских отрядах подчиненных советскому партизанскому движению. С той лишь оговоркой, что их рядовые члены не разделяли идеологию СССР, однако же, были вынуждены сражаться против фашизма ради сохранения собственных жизней. Но это не совсем так.

Вторая мировая война закончилась уже более шестидесяти лет назад. Несмотря на это, в ее истории по-прежнему есть еще «белые пятна». Существование в годы войны антисоветского и антинацистского белорусского национального партизанского движения — Белорусской Национальной Партизанки (БНП) — тоже требует непредвзятого анализа и осмысления.

История его деятельности до сих пор мало изучена исследователями. Дело в том, что до сих пор не возможно получить доступ к архиву белорусского КГБ, в котором хранится большое количество ис-

точников по этой проблеме. Информация о национальных партизанах черпается в основном из работ, опубликованных либо эмигрантскими историками, либо непосредственными участниками событий.

Как установил белорусский историк Сергей Ерш, первые национальные белорусские отряды возникли в Полесье в самом начале войны. Их появлению способствовал план немецкого верховного главнокомандования, в котором было учтено, что болотистая территория Полесья представляет серьезную преграду для немецкой техники. Для борьбы же с попавшими в «котел» красноармейцами было решено использовать сторонников белорусских и украинских националистов. Они еще в довоенные годы активно сотрудничали с абвером.

В августе 1941 года в операции против окруженных в белорусско-украинском Полесье красноармейцев, принимали участие около 5 тысяч сторонников белорусских националистов из т.н. «Белорусской самообороны» (БСА) и около 10 тысяч украинских бойцов из УПА Полесская Сечь Максима Боровца («Тарас Бульба»). На освобожденных от большевиков территориях были созданы органы местного самоуправления. Колхозная земля была разделена между крестьянами. Однако, такое положение длилось лишь до тех пор, пока германский оккупационный аппарат не заработал на полную мощь. В октябре 1941 года БСА была распущена, большая часть ее членов пошла на службу в полицию. Другая часть ушла в леса и образовала т.н. Белорусскую Национальную Партизанку.

Всего, к началу 1942 года число белорусов-антикоммунистов, ушедших в леса, насчитывало более 3-х тысяч человек вместе с семьями. В большинстве своем это были жители западно-белорусских деревень, спасавшиеся как от немецкого террора, так и от польских националистов. Они никому не подчинялись и практически не вели никакой активной боевой деятельности. Их акции носили самооборонный характер, как против немцев, так и против малочисленных тогда еще советских партизан.

Весной того же года партия Белорусская народная Громада (стоящая, хотя на национальной, но все же левой платформе) попыталась объединить разрозненные национальные партизанские формирования. С этой целью в начале июня 1942 года в окрестностях Ивацевичей (Брестская область) состоялось совещание командиров партизанских отрядов. По разным данным, их было от 8 до 11. В ходе конференции было принято решение о создании т.н. совета атаманов, который должен был стать координационным советом партизан. Был также образован штаб белорусского народного партизанского движения. Его начальником стал

03/2009

один из «атаманов» — бывший лейтенант РККА Иван Шанько, повышенный советом до звания полковника.

В политическом отношении совет атаманов принял позицию Громады. Согласно которой, белорусским партизанам предписывалось не проводить активных боевых действий, чтобы сохранить кадры для будущего всеобщего вооруженного восстания. (Отметим, что подобной стратегии придерживалась и польская подпольная Армия Крайова). Боевые действия партизанам разрешалось вести лишь в том случае, если оккупанты попытаются предпринимать попытки нападения на партизанский отряд, или на деревню, связанную с этим отрядом. В отношениях с советскими партизанами предписывалось придерживаться нейтралитета. В столкновения вступать лишь в случае мародерства или при попытках вторжения красных в район дислокации отряда. Аналогичной стратегии придерживались и некоторые партизанские отряды на Могилевщине, Смоленщине и Брянщине, организованные политиками эсеровской направленности. Будущее своих земель члены этих отрядов видели в составе независимой Белоруссии. Между партизанкой Полесья и белорусскими национальными партизанами в РСФСР, была предпринята попытка налаживания связи. В рейд на Смоленщину был направлен отряд атамана Ковалева (бывшего капитана РККА). Но в центральной Белоруссии этот отряд был уничтожен спецгруппой НКВД.

Одновременно с деятельностью белорусских партизан, ориентированных на политику Громады, зимой 1942 года в окрестностях Борисова появился отряд бывшего сотрудника Абвера и начальника белорусской полиции Минского округа Владимира Шавеля. Одновременно он являлся и членом партии белорусских националистов — Белорусской Независимой Партии. Зимой 1942 года Шавель создал партизанский отряд националистической направленности. Позднее к нему присоединился бургомистр города Березина Анатолий Соколов. Вскоре об их деятельности узнали красные партизаны, которые предложили Шавелю встречу. Встреча закончилась тем, что Шавель был убит, а его люди влились в ряды советских партизан. В последующем аналогичная судьба постигла и другие белорусские отряды.

Зимой 1943 года, когда победа СССР в войне стала очевидной, советским руководством был принят ряд мер, направленный на усиление партизанской деятельности на еще оккупированной территории. Касалось это, в первую очередь, Белоруссии. Одной из основных задач советских партизан стало распространение своего влияния и подчинение неподконтрольных Центральному штабу партизанского движения (ЦШПД) партизанских отрядов. Речь в данном случае шла о польской Армии Крайовой и белорусской партизанке, которую, впрочем, в Москве считали скорее не националистической, а просто неуправляемой силой.

Весной и летом для реализации этих планов в западную Белоруссию были передислоцированы

9 партизанских бригад, 10 отрядов и 15 спецгрупп. Всего за 1943 год численность советских партизан в Западной Белоруссии выросла с 11 тысяч, до 36 тысяч человек.

Руководить операцией по подчинению БНП — большевикам в мае 1943 года был назначен специальный представитель первого секретаря ЦК КП(б)Б Пантелеймона Пономаренко, полковник ГРУ Григорий Линьков

Первоначально советские партизаны предложили белорусам перейти на советскую сторону добровольно, однако, когда те отказались, был принят шаг, уже опробованный под Борисовом в 1942 году. Руководители национальных партизан приглашались на встречу с красными. В случае отказа подчиниться уничтожались. Их отряды включались в советское партизанское движение. Рядовые члены направлялись в различные партизанские соединения, действовавшие в других районах Белоруссии. В 1944 году, после прихода Красной армии они были направлены в штрафные батальоны на передовую.

Таким образом, к зиме 1943–1944 годов белорусская партизанка была практически полностью уничтожена. Понимая бесперспективность борьбы с советскими партизанскими группами, большая часть членов партизанки либо разошлась по домам, либо вступила в ряды вспомогательной полиции. Лишь нескольким отрядам удалось избежать разоружения. Часть их перешла белорусско-украинскую границу и присоединилась к «Бульбе»-Боровцу. В последующем они эвакуировались в восточную Польшу, где в 1945–1946 годах воевали с польскими националистами, которые принуждали местных белорусов к выезду в СССР.

После того, как территорию Белоруссии заняли советские войска, вооруженные группы, продолжавшие действовать на ее территории под лозунгами белорусской народной партизанки, приняли решение о расформировании и эвакуации на Запад. Процесс этот длился вплоть до 1948 года. Часть партизан осталась на родине, где действовала в одиночку или в составе различных антисоветских формирований.

В США, Канаде, Аргентине, Боливии, Бразилии и Парагвае, где в эмиграции оказались бывшие члены партизанки, ими был создан Союз Бывших Участников Вооруженной Борьбы за Освобождение Белоруссии.

В заключение, отметим, что существование в годы войны Белорусской Национальной Партизанки опровергает представление советской историографии о всенародной борьбе белорусского народа с фашистскими оккупантами и их пособниками. Об его абсолютной просоветской настроенности. Члены БНП были в конфликте третьей силой, однако они так и не смогли добиться поставленных перед собой задач. Можно утверждать, что первоочередной причиной их поражения стало отсутствие понимания политическим руководством БНП реалий и условий того времени, когда можно было лишь примкнуть к одной из двух враждующих сторон или быть уничтоженным.

Дмитрий Соколов

Обратная сторона победы

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РЕПРЕССИИ В КРЫМУ В 1941–1945 гг.

О войне 1941–1945 гг. написаны горы литературы. Об этом периоде сохранилось бесчисленное количество документов, воспоминаний, кино- и фото-свидетельств.

Но даже сейчас, спустя 60 с лишним лет, многие события того страшного времени не получили должного освещения.

Теперь уже ни для кого не секрет, что наряду с победами советского оружия, история войны СССР с нацистской Германией имеет немало позорных страниц.

Отдавая должное солдатскому подвигу, помня о миллионах погибших от рук иноземных поработителей, нельзя не сказать и о злодеяниях сталинской власти.

Неограниченное насилие было опорой коммунистического режима, и даже угроза военного поражения не изменила создавшегося порядка вещей.

На территориях, которые пока еще не были заняты немцами, органами НКВД по-прежнему производились массовые аресты. По подсчетам руководителя научно-редакционной группы «Реабилитированные историей», Д.В. Омельчука, начиная с 22 июня 1941 г., только в Севастополе до конца месяца было арестовано 22 человека, в июле — 34, а до конца года — еще не менее 60.¹

Как и в довоенный период, жертвами советской репрессивной машины становились представители различных слоев населения — интеллигенция, крестьяне, рабочие, служащие.

Поводом для ареста при этом, как правило, служило обвинение в антисоветской агитации. Во всяком случае, именно такая формулировка чаще всего встречается в постановлениях следователей и протоколах Особого совещания по делам осужденных крымчан.

В качестве доказательства несомненной вины арестованных чекисты рассматривали любые критические высказывания — от недовольства тяжелым положением трудящихся до нагнетания пораженческих настроений.

Так, жительница с. Зуя Агафья Лопатина 5 августа 1941 г. военным трибуналом войск НКВД Крыма была приговорена к расстрелу за то, что незадолго до начала войны положительно отзывалась о жизни в дореволюционной России, а 10 июля

1941 г. выразила надежду на скорое падение большевизма.

Не менее суровая участь ждала буфетчицу штаба командного пункта Черноморского флота, Ирину Морозову. Оценивая темпы продвижения германских войск вглубь страны, женщина выразила опасение, что так они скоро дойдут и до Крыма.

За это опрометчивое высказывание несчастную арестовали и также приговорили к расстрелу.

Страшная жестокость царила на фронте. В условиях непрерывного отступления частей Красной армии дезертирство и добровольный переход на сторону Вермахта приобрели невероятный размах.

Чтобы остановить повальное бегство, советское командование формировало специальные заградительные отряды, расстреливавшие пытавшихся отступать.

16 августа 1941 г. за подписью Сталина был издан приказ наркома обороны № 270, согласно которому все заподозренные в намерении сдать в плен подлежали расстрелу, их семьи лишались «государственной помощи и поддержки», арестовывались и отправлялись в концентрационные лагеря.

28 сентября 1941 г. командующий Ленинградским фронтом Г.К. Жуков в шифрограмме № 4976 предписывал своим подчиненным *«разъяснить всему личному составу, что все семьи сдавшихся врагу будут расстреляны и по возвращении из плена они также будут все расстреляны»*.²

В октябре 1941 г. заместитель начальника управления особыми отделами НКВД СССР С.Р. Мильштейн докладывал Берии, что за период с начала войны по октябрь 1941 г. оперативными заслонами особых отделов и заградительными отрядами было задержано 657 354 военнослужащих, оставших от своих частей или дезертировавших с фронта.

Из них 10 201 человек были расстреляны по постановлениям особых отделов и по приговорам военных трибуналов; 3 321 — расстреляны перед строем.³

Стремительное продвижение гитлеровцев летом 1941 г. заставило советское руководство прибегнуть к практике массовых депортаций. Для Сталина и его приближенных эти мероприятия не были новшеством.

Принудительное переселение неугодных режиму в мало приспособленные для жизни районы активно проводилось в 1930-е годы, когда в ходе осуществления кампании коллективизации на Север России, Урал и Сибирь были вывезены тысячи раскулаченных крестьянских семей.⁴ В 1937–1938 гг. из Приморского края в Казахстан и Среднюю

* Автор выражает признательность исследователю проблем оккупации и сотрудничества с немцами граждан СССР в годы II мировой войны, кандидату исторических наук О.В. Романько и руководителю научно-редакционной группы «Реабилитированные историей», кандидату исторических наук Д.В. Омельчуку за ценные консультации, данные в процессе написания настоящего очерка.

03/2009

Азию были депортированы десятки тысяч китайцев и корейцев, в лице которых власти видели потенциальных «японских шпионов».

В тот же период из Закавказья в Казахстан отправили несколько тысяч иранцев, курдов и турок.

В августе 1941 г. подобная участь постигла немцев Поволжья, Закавказья, Украины и Крыма.

В директиве Ставки Верховного Главнокомандования от 14 августа 1941 г. говорилось, что для укрепления обороноспособности полуострова его территорию следует «очистить немедленно... от местных жителей-немцев и других антисоветских элементов».

В результате из Крыма было выселено около 52 тыс. немцев.⁵

Однако, невзирая на предпринятые жесткие меры, советское командование не смогло эффективно организовать оборону и остановить наступление неприятельских войск.

После двух месяцев непрерывных боев весь Крым, за исключением Севастополя, был оккупирован.

Занятие территории полуострова немцами не означало освобождения от гнета тирании. Красный террор сменился террором коричневым.

Как отмечал в своих воспоминаниях белоэмигрант Ю.И. Лодыженский, «безумие и зверства национал-социализма стерли временно представление о зверствах и бесчеловечности коммунизма, также как о его неизбежно преступных замыслах».⁶

Преступления, совершенные гитлеровцами по отношению к мирному населению, стали одной из главных причин поражения германского Рейха в войне с Советским Союзом.

Если сначала многие жители оккупированных областей встречали немцев как освободителей от большевистского ига, то вскоре оказались жестоко разочарованы.

Это признавали и сами нацисты. В частности, заместитель начальника политического департамента Остминистерiums Отто Бройтингам в своем докладе от 25 октября 1942 г. писал:

«Рабочие и крестьяне быстро поняли, что Германия не рассматривает их как равноправных партнеров, а считает лишь объектом своих политических и экономических целей.<...> Наша политика вынудила как большевиков, так и националистов выступить против нас единым фронтом...»

Среди поднявшихся на борьбу против иноземных захватчиков было немало и тех, кого на протяжении длительного периода советское руководство относило к числу своих непримиримых врагов.

В 1942–1943 гг. в действующую армию было отправлено более 157 тыс. бывших политзаключенных.⁷

Помимо самих репрессированных, в войне принимали участие их дети и близкие.

Так, дочь арестованного в 1937 г. уполномоченного наркомата снабжения г. Севастополя,

Т.И. Фургас, 15-летняя Ольга, на протяжении всего периода обороны доставляла раненых в госпиталь; вместе с другими жителями осажденного города работала на расчистке завалов, во множестве извлекая оттуда тела пострадавших в результате бомбежек.

«Я страшно расстраивалась, когда не могла спасти человека, откопав, а он мертвый, я же это делала руками...»⁸

Подобных примеров немало.

В обстановке войны казалось невероятным, что после победы над врагом власть не пойдет на уступки. Тем более, существовали и реальные факты, подпитывающие эти надежды — приостановление гонений на религию; замена «Интернационала» новым советским государственным гимном; возвращение в армию формы с погонами...

Но вместо ожидаемых благих перемен освобождение захваченных территорий ознаменовалось новыми массовыми репрессиями.

Выжив, десятки миллионов советских граждан попали из огня в поля.

Многие из них, обвиненные в сотрудничестве с оккупантами, были отправлены на спецпоселение. В частности, эта скорбная участь постигла народы крымского полуострова — крымских татар, армян, греков, болгар.

11 мая 1944 г. Сталин подписал секретное постановление Государственного Комитета Обороны № 5859-сс «О крымских татарах», предписывающее «выселить всех татар с территории Крыма».

В результате чекистской операции, осуществлявшейся с 17 по 20 мая, в Узбекскую ССР, Поволжье, Урал и Сибирь было выселено около 190 тыс. крымских татар.⁹

Вслед за татарами из Крыма депортировали более 15 тыс. греков, 12 тыс. болгар и 10 тыс. армян.¹⁰

От участи изгнанных людей не спасало даже недавнее партизанское прошлое.

«Никакие боевые заслуги...не оградили нас от произвола, — с горечью констатировал депортированный из Крыма грек К. Апостолиди, в период оккупации руководивший подпольем в деревне Кисек-Аратук. — Жителям села под дулом автомата было приказано в течение 15 минут покинуть свои дома. Согнанных на железнодорожную станцию людей погрузили в товарные вагоны, в которых перевозили скот...»¹¹

Положение спецпереселенцев, особенно в первые годы, было крайне тяжелым. Неприспособленные для жизни условия, болезни и скудная пища рождали высокую смертность. Согласно статистике НКВД, только за 1945 г. умерло 15 997 депортированных из Крыма.¹² По данным историка Й. Баберовски, всего за период с 1944 по 1948 гг. погибло не менее четверти от общей численности спецпереселенцев.¹³

Одновременно с выселением «неблагонадежных» народов сотрудники советских карательных

органов выявляли среди жителей полуострова «германских пособников, провокаторов и шпионов».

Но кроме запятнавших себя военными преступлениями, в сталинские тюрьмы и лагеря отправились также и те, кто просто был вынужден работать, чтобы не умереть с голоду.

Так, арестованный 8 мая 1944 г. уроженец деревни Байдары И.Ф. Журавский, работавший при немцах на должности начальника пожарной охраны в Крымском драматическом театре, постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 19 августа 1944 г. был приговорен к 5 годам лишения свободы, а уроженец Севастополя, В.С. Калустьян, в период оккупации работавший заготовителем зерна в симферопольской городской управе, был осужден к 8 годам лагерей.¹⁴

За победу над гитлеровской Германией СССР заплатил страшную цену, в том числе в результате репрессий, осуществляемых по обе стороны фронта.

¹ Омельчук Д.В. Жертвы, которых можно было бы избежать // Историческое наследие Крыма, № 3–4, 2004. — с. 87

² РГАСПИ. Ф. 83. Оп. 1. Д. 18. Л. 18–19.

³ История политических репрессий и сопротивление несвободе в СССР. — М.: Издательство объединение «Мосгосархив», 2002. — с. 322

⁴ Подробнее см.: Полян П. Не по своей воле... История и география принудительных миграций в СССР — М., 2001. — с.62–84; Соколов Д.В. «Великий перелом» крымской деревни // Первая Крымская, № 3 (209) — 25–31 января 2008. — с.20; Трифонов И.Я. Ликвидация эксплуататорских классов в СССР — М., Политиздат, 1975. — с. 333–344.

⁵ История Крыма с древнейших времен до наших дней — Симферополь: Атлас-компакт, 2007. — с.362

⁶ Лодыженский Ю.И. От Красного Креста к борьбе с коммунистическим Интернационалом. — М.: Айрис-пресс, 2007. — с. 528

⁷ Кузнецов И.Н. Засекреченные трагедии советской истории — Ростов н/Д: Феникс, 2007. — с. 17

⁸ Архив автора.

⁹ История Крыма с древнейших времен до наших дней — Симферополь: Атлас-компакт, 2007. — с. 362

¹⁰ Телицын В.Л. «СМЕРШ»: Операции и исполнители — Смоленск: Русич, 2000 — с. 282

¹¹ Джуха И.Г. Спецшелоны идут на Восток. История репрессий против греков в СССР: депортации 1940-х гг. — СПб.: Алетейя, 2008. — с. 123

¹² ГАРФ. Ф.Р. — 9479. Оп. 1 Д. 436. Л. 66–67 (Цит. по: Бугай Н.Ф. Депортация народов Крыма — М.: «ИНСАН», 2002. — с. 100)

¹³ Баберовскі Й. Червоний терор. Історія сталінізму — К.: К.І.С., 2007. — с. 199

¹⁴ Реабилитированные историей. Автономная республика Крым: Книга третья. — Симферополь: АнтикВА, 2007. — с. 50–51, 54.

КНИГИ И ЛЮДИ

Кирилл Александров

Красные партизаны... стали сталинскими спецназовцами

Новая книга историка Александра Гогун посвящена истории советских украинских партизанских формирований в годы Второй мировой войны. Эта работа — одна из лучших публикаций российских авторов о войне за последние 17 лет. Уровень монографии ощутимо превосходит все аналогичные издания, включая знаменитый коллективный труд американских специалистов под редакцией Джона Армстронга «Советские партизаны. Легенда и действительность». Новая монография написана Александром Гогун на гораздо более профессиональном и качественном уровне, чем ранее нашумевшая работа того же автора «Между Гитлером и Сталиным. Украинские повстанцы».

Книга описывает как боевую и диверсионную деятельность красных партизан, так и их террор против мирного населения, многочисленные внутренние конфликты в отрядах, а также дисципли-

нарные нарушения — мародёрство, пьянство, разврат. Уделено внимание и личному составу формирований, вопросам их организации и управления.

Основные достоинства монографии заключаются в следующем.

Стиль работы — строго научный, но при этом читается книга очень легко.

Информативность публикации и компетентность автора позволяют говорить об обоснованности каждого тезиса. Вероятно, оппоненты, с почтением относящиеся к советской историографической традиции, будут очень сильно раздражены этим изданием. Но возразить что-либо по существу вряд ли смогут. Защищённость положений едва ли не безупречна, а использованный представительный корпус источников в виде оригинальных документов и материалов из архивов Германии, Польши, Украины и России производит впечатление на любого специалиста.

Объективность исследования выражается, в частности, в том, что в заключительной части книги при сравнении операций советских партизан с дей-

* Гогун А. Сталинские командос. Украинские партизанские формирования. Малоизученные страницы истории. 1941–1944. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2008. — 477 с. — (На линии фронта. Правда о войне).

ствиями УПА автор не игнорирует факт массовых расправ украинских повстанцев над мирным польским населением. Кроме того, автор не только не приукрашивает, но и не преуменьшает эффективность партизанских операций, что представляется особенно ценным. Тем более достоверное впечатление производит описание репрессий сталинцев, сжигавших украинские сёла Волыни и терроризировавших гражданское население в не меньшей степени, чем каратели. Если советские историки рассматривали партизанскую войну как своеобразный «народный резистанс против нацистских оккупантов» под руководством Коммунистической партии, то Александр Гогун убедительно развенчивает укоренившийся за десятилетия в массовом сознании миф. Военно-политическая, диверсионная и террористическая деятельность советских партизан оказывается еще одним наглядным результатом совершенно безжалостной войны, в первую очередь по отношению к своим соотечественникам, которую вела сталинская партийная номенклатура в 1941–1945 годах за сохранение своей власти и господствующего социально-экономического положения в Советском Союзе, завоеванного в годы коллективизации.

Следует сказать несколько слов о принципиальной новизне работы. Александр Гогун впервые в отечественной историографии ввел в научный оборот огромный фактический материал и коснулся ряда серьезных проблем, связанных с историей оккупационной политики и партизанской борьбы на оккупированных территориях. Особенного внимания заслуживает тезис исследователя о том, что руководство «народных мстителей» целенаправленно провоцировало репрессии нацистской администрации против гражданского населения, чтобы приобрести дополнительные политические дивиденды. Настоящее утверждение и ранее встречалось в некоторых исторических трудах, однако автору монографии удалось привести в этой связи ряд новых фактических матери-

алов и реконструировать целостную картину возникновения и развития партизанской борьбы на территории Украины.

К спорным положениям можно отнести, пожалуй, только утверждение автора о том, что в годы Первой мировой войны солдаты Русской императорской армии сдавались в плен так же интенсивно, как и красноармейцы в 1941–1942 гг. (см. об этом: «Сталинград — не начало, а конец перелома», «Посев» № ..., 2007 г.). Это явное преувеличение, особенно учитывая «снарядный кризис» в русских войсках и специфику кампании в период с апреля по август 1915 г. Хотя, Александр Гогун, видимо прав, подчеркивая «феномен национальной памяти» о реалиях Первой мировой войны и укоренившееся к 1941 г. в общественном сознании представ-

ление о том, что «в немецком плену можно было выжить».

Возможно, автору стоило бы рассмотреть и операции партизан 1941–1944 гг. в Крыму, где, помимо прочего, советской стороной в 1942 были документально зафиксированы случаи каннибализма в партизанских формированиях. Однако Крымская АССР в годы Второй мировой войны входила в состав РСФСР и оперировавшие в Крыму отряды не подчинялись УШПД. Поэтому исключение истории партизанской борьбы в Крыму из проблематики исследования выглядит правомерно.

Подчеркнем, Александру Гогуну удалось добиться тематического прорыва. На наш взгляд в целом правильно раскрыты причины, описан характер и указаны последствия такого явления как советская «партизанская война». Можно согласиться с одним из главных выводов исследования: термин «партизан» в значении «инсургент», то есть «повстанец», к сталинским партизанам применяться не может. По сути сталинские партизанские формирования представляли собой спецподразделения силовых и карательных государственных структур Советского Союза. В большинстве случаев они действовали вразрез, а иногда и вопреки интересам местного населения на оккупированных территориях.

Нина Минаева

Взгляд на будущее России

Книга Валерия Дмитриевича Соловья «Русская история. Новое прочтение», вышедшая в Москве и посвященная одной из ключевых проблем нашей современности, отвечает надеждам и ожиданиям миллионов русских и нерусских людей. Ибо затрагивает так называемый русский вопрос.

Следует отметить большую смелость и самостоятельность мысли в развитии столь важной и ответственной темы. Автор, искренне обеспокоенный судьбой России и своих соотечественников, выстраивает концепцию будущего русского государства.

Само обсуждение «русского» или какого-либо иного национального вопроса и его исторических корней неминуемо затрагивает по крайней мере две плоскости: политическую — и потому полемичную — и конкретно-историческую. Последняя и должна быть ключом к решению самых спорных и противоречивых сторон этой горячей и острой темы.

Главная идея, ради которой автор и предпринял свой труд, — НАРОД и ГОСУДАРСТВО, отход от имперской политики царской России и Советского союза (также, по существу, империи) и построение современного ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА. Идея, несомненно, актуальна и навеяна насущной политической необходимостью. Столкновение двух этих категорий — народ и государство, — рассмотренное во времени, вполне правомерно и оправданно.

Автор предлагает собственное понимание русскости, русской нации. Наряду с классическими методами исторического исследования он использует также методы, принятые в антропологии, биологии, генетике и этнологии, изучающей общие закономерности развития человеческой культуры в связи с особенностями того или другого этноса.

Вообще в современной науке сочетание методов, принятых в разных науках, становится типичным. Скажем, во французской историографии биологические методы исследования стали с успехом применяться еще в XX веке. В.Д. Соловей использует приемы школы «Анналов». Основатели этой школы — Л. Фебр («Битва за историю», Париж, 1953), Блох («Апология истории», Париж, 1964), Бродель, профессора Сарбонны Крузе, Э. Парриа, Лабрусс и Мунье — настаивают на исчезновении границ между науками о человеке. Социология, экономика, политические науки открывают историкам истинную картину как страны, так и всего цивилизованного мира.

Другое дело, насколько убедительно автор применяет этот метод в новой книге. Деление русской

истории лишь по принципу наличия «смут» не может выглядеть убедительным: «Смута» начала XVII века (с которой связан модный теперь праздник 4 ноября), Октябрьская революция 1917 года и события нынешней России — от 1990-х годов до наших дней. Широко применен в книге и историко-культурный анализ братьев Веберов: произвольные конструкции исторического процесса Макса Вебера и концепция духовного творчества, осуществляемого элитой, Альфреда Вебера.

В разделе, посвященном методологическим аспектам «русского вопроса», новаторски используются все современные методики.

Описание природы русского этноса, врожденной, по убеждению автора, «социальности» (следовало бы сказать «соборности») русских, выявление этических архетипов весьма интересны. Хотя утверждение: «Русские выгодно отличаются психологической и культурной предрасположенностью к строительству сильного государства» — далеко не бесспорно, и его можно истолковать по-разному.

А как же быть с построением ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА? Поисками способов этого строительства как раз и занимается автор.

Не может не вызывать недоумения его утверждение об «успешности» русской истории. История России скорее остродраматична, нежели успешна. Перед глазами так и встают картины из фильмов «Андрей Рублев» или «Иван Грозный», при том что ни Тарковского, ни Сергея Эйзенштейна нельзя упрекнуть в отсутствии патриотизма.

Внутренняя политика России в меняющемся историческом пространстве вызывает недоумение. И в этом, конкретно-историческом плане, казалось бы, и должен был рассматриваться главный — «русский» — вопрос.

Именно период со второй половины XVIII века по начало XIX-го стал временем нарастающего кризиса старой феодально-крепостнической системы хозяйства, зарождения в ее недрах мануфактурного и фабричного производства, развития промышленного переворота в России, что послужило основанием для складывания русской народности в нацию, для становления и оформления русской нации. Для автора это начальный исторический этап.

Дальше в книге рассматриваются эпоха Серебряного века и бурное развитие монополистического капитала, толкование трех революций в России, жизнь русских людей в советской действительности и вступление их со всеми амбициями в XXI век. Таков заявленный автором масштаб.

Однако корни «русского вопроса» он проследит гораздо глубже, и даже не в лесах средневеко-

* Нина Васильевна Минаева, доктор исторических наук, профессор. Рецензия на книгу: Соловей В.Д. Русская история. Новое прочтение. — М.: АИРО, 2005. — 305 с.

03/2009

вой Московской Руси, а в XI веке, во времена Ярослава Мудрого и его сыновей, в апологии древнерусских князей — «Слове о законе и благодати» Иллариона, где утверждается: «Русская земля ведома и слышима всеми четырьмя концами земли» (так в первоисточнике. — *Н.М.*) Только политическая предвзятость может объяснить подобный подход. Истинный же историк должен судить конкретно-исторически, как академик Дмитрий Сергеевич Лихачев, работы которого, кстати, даже не упомянуты в перечне использованной литературы, и тем более не разобрано его толкование национального начала в памятниках древнерусской литературы в книгах «Человек в Древней Руси» (1958) и «О русском» (за последнюю работу, кристально ясную, глубоко патристичную, ему было присвоено звание почетного члена Болгарской Академии наук).

Решившись взяться за столь ответственную и с политической, и с научно-исторической точки зрения работу, автор не должен чувствовать себя одиноким путником в пустыне. Первопроходец ли он? Кто из современных исследователей взялся бы за столь масштабный политологический и исторический анализ? Есть ли с чем и с кем сравнить его ученый труд?

Да, есть. Это не столь давно вышедший двухтомник А.И. Солженицына «Двести лет вместе». Он написан русским человеком во славу русского народа, прошедшего двести лет вместе с еврейским народом и преодолевшего все провокационные антисемитские подстрекательства имперских правительств царской и советской России.

Однако в представленной работе мы не найдем ни ссылок на этот труд знаменитого писателя, ни упоминаний о какой бы то ни было антисемитской кампании имперских правительств.

А такие провокации были, и не раз. Это и введение антисемитизма с идеологии Охранного отделения после убийства императора Александра II, и создание Комитета охраны общественного порядка, и пресловутое «дело Бейлиса» в 1913 году, и кампания против «безродных космополитов» в 1948–1950 годах — свидетелями последней стали люди моего поколения: в бурных дискуссиях в Институте истории на наших глазах умирали выдающиеся ученые С.В. Бахрушин, К.В. Базилевич; ушел в ГУЛАГ Г.А. Гуковский (а разве не так? — *Н.М.*), уехал в провинциальный Тартуский университет Ю.М. Лотман. Но В.Д. Соловей как бы очищает «русский вопрос» от второстепенных, с его точки зрения, исторических реалий.

На историческом факультете Московского университета еще в конце 50-х годов прошлого века проходила острая дискуссия о становлении русской нации, т.е. обсуждался тот же «русский вопрос». Тогда свои суждения высказывали патриархи отечественной историографии С.С. Дмитриев, М.Т. Белявский, П.А. Зайончковский, И.А. Федосов. И единодушно было признано: русская нация оформилась на переломе феодализма, в момент разложения

и нарастающего кризиса феодально-крепостнической системы, начала промышленного переворота и становления отечественного капитализма.

Именно поэтому XIX век может считаться временем Ренессанса в России, когда складывалась сама душа народа, что выразилось в расцвете русской национальной литературы с ее звездными именами Пушкина, Гоголя, Толстого и Достоевского; в рождении отечественной музыкальной культуры с появлением национальных опер Глинки, Даргомыжского, Римского-Корсакова и Чайковского; в подъеме русской науки и новых научных открытий Лобачевского и Менделеева, в развитии русской жанровой живописи и русской философии в ее материалистическом и идеалистическом толковании.

Далеко не случайно, что в этом звездном XIX веке нельзя назвать ни одного заметного общественного деятеля, высокопоставленного чиновника или писателя, который бы не коснулся проблемы народа. Карамзин ставит вопрос о народоправстве в «Записке о древней и новой России» (1811), Белинский в «Литературных мечтаниях, или Элегии в прозе» обращает внимание образованной публики на становление национальной литературы в европейских странах, призывает русскую литературу следовать этому общественному интересу и указывает на историческое значение Пушкина как на воплощение русского духа, более чем кто-либо из современников выражающего русскую национальную идею.

Первые шаги отечественной философии определились к 1923–1926 годам в «Обществе любознательных», где поэты Д.В. Веневитинов, В.Ф. Одоевский и будущие славянофилы И.В. Киреевский и А.И. Кошелев философски осмысливали положение России в мировом пространстве. «Русские ночи» Одоевского в дальнейшем вылились в создание славянофильской идеи о мессианской роли их Отечества. У Герцена, Огарева, Чернышевского и народников тема «русского человека на randevу с российской действительностью» занимает центральное место.

Как, говоря о «русском вопросе», ничего не сказать о славянофилах и не объяснить, почему дискуссии о славянофильстве тревожили Г.В. Плеханова накануне Первой мировой войны?! А когда в августе 1939-го был заключен пакт Молотова–Риббентропа, 1 сентября того же года нацистская Германия напала на Польшу, а 17 сентября 1939 года советские войска вошли в Западную Украину и Западную Белоруссию и Советская Россия оказалась втянутой во Вторую мировую войну, славянофилы заинтересовали Сталина. На страницах центрального исторического журнала «Историк-марксист» (1941, № 1) — разумеется, по распоряжению ЦК ВКП(б) — развернулась ученая дискуссия о славянофильстве. В ней приняли участие крупные ученые историки, филологи и философы: профессора М.В. Нечкина, Н.М. Дружинин, академик Державин и уже тогда признанный знаток славянофильства С.С. Дмитриев. И неизвестно, чем бы кончилось «толкование» славянофильства, если

бы не внезапное нападение Гитлера на Советский Союз и шоковое состояние Сталина.

Еще одна волна «русскости» связана с событиями в Венгрии 1956 года и событиями в Чехословакии 1968-го, т.е. с кризисом и начавшимся распадом «мировой» системы социалистического лагеря, активизацией журналов «Молодая гвардия» и «Москва».

Следующая дискуссия о славянофильстве, развернувшаяся в 1969 году на страницах «Вопросов литературы», заняла несколько номеров этого популярного тогда, смелого издания. Разгулявшемуся шовинизму положили конец выступления двух крупных ученых: статья «Славянофилы и славянофильство» С.А. Макашина (издатель — вместе с И.С. Зильберштейном — «Литературного наследства») и статья С.С. Дмитриева «Подход должен быть конкретно-историческим» («Вопросы литературы», 1969, № 12).

А вслед за этим в 1972 году последовала статья А.Н. Яковлева в «Литературной газете» — «Против антиисторизма» — с известными последствиями и соответствующей реакцией передовой интеллигенции внутри страны.

Автор книги «Русская история. Новое прочтение» рассматривает скорее идеологию, и вся его концепция укладывается в утверждение о противостоянии «власти и общества».

Славянофильская идея, заимствованная из социальной философии пангерманизма Шеллинга с его мессианской ролью избранного народа (у Шеллинга — пангерманизм, у славянофилов — панславизм), неоднократно использовалась недобросовестными политиками в политических целях. И волна шовинизма неоднократно поднималась

в имперский период. Казалось бы, в работе о «русском вопросе» следовало предостеречь от этой опасности.

Исторические константы русского национального сознания автор ищет в повороте России от Запада на Восток. Неплохо было бы ему вспомнить размышления П.Я. Чаадаева и Ф.И. Тютчева, создавших самостоятельные самобытные концепции западной цивилизации в России, вбиравших и русское духовное наследие, и западные ценности.

Идея самодостаточности России не нова, как и полемика автора с современными западниками-либералами, утверждающими, что «Россия — страна второго эшелона», указывающими на периферийность русской цивилизации и спад интереса зарубежных стран Запада к России. Все это имеет место. Правоммерно и утверждение автора об ослаблении морально-психологической сущности русского народа и известном демографическом спаде.

Но нельзя разделить пессимистический взгляд автора на будущее России. Великая русская цивилизация не должна и не может погибнуть и бесследно исчезнуть. Именно русская история должна дать пример возрождения и выхода из тяжелейших испытаний.

Рецензируемая книга — политический памфлет. В.Д. Соловей хорошо ориентируется в современной политологии, умело оперирует современными политологическими понятиями.

Но чьи интересы защищает сегодня политический эксперт фонда Горбачева? Направо или налево намерен он повернуть? Книга В.Соловья лишний раз доказывает неразличимость этих уклонов от истины в современной России.

Анна Хлебина

Пятьсот страниц, посвященных правде

В ПРАГЕ ВЫШЛА НОВАЯ КНИГА О РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ «ДОМ В ИЗГНАНИИ»

Правда политическая, другими словами, узаконенная ложь — как носки без пятки: на какие ноги ни натяни, будет в пору. Жизненная правда — более тонкая вещь, она шьется точно по размеру и сезону, и попытки перелицевать ее в будущем оканчиваются нелепостями. Книга «Дом в изгнании», выпущенная «Русской традицией» в декабре 2008 года, стала не просто отражением горькой правды жизни наших предшественников, русских эмигрантов начала XX века, но и свидетелем того, насколько современная официальная Россия не готова принять эту правду...

В последние годы российское государство стало оказывать знаки внимания своим блудным детям — русским, живущим за границей. Частью этого благородного дела стало предложение российского МИДа о финансировании издания книг об истории русской эмиграции в разных странах. Многие историки и публицисты, давно мечтавшие

выпустить в свет свои материалы, касающиеся этой темы, с энтузиазмом откликнулись на предложение — и к осени 2008 года было опубликовано несколько книг, повествующих о жизни русских в разных странах бывшего СССР и Европы.

В Чехии предложение о создании книги было сделано посольством РФ общественной организации «Русская традиция», которая как раз объединяет потомков старой эмиграции и интеллигенцию всех последующих волн. Менее чем за четыре меся-

* От редакторов и издателей книги «Дом в изгнании»

03/2009

ца большим коллективом редакторов и авторов был создан 500-страничный сборник очерков о русской эмиграции в Чехословакии в 1918–1945 годах, ставший памятником многим выдающимся людям, вынужденным покинуть в 1920-е годы свою горячо любимую Россию. Ученые, политические деятели, музыканты, художники, писатели, поэты, священники получили приют в молодой Чехословацкой Республике. Нельзя сказать, что они изменили своей родине — для них она временно попала в неправильные руки, и большинство надеялось вернуться через год-другой домой, чего, как известно, не произошло.

Период, охваченный книгой, завершается 1945 годом, для многих поставившем точку в мало-мальски наладившейся жизни: кто-то погиб в годы войны, кто-то был убит или насильно увезен в Советский Союз — в ГУЛАГ или, позже, «на целину». Большинство оставшихся в Чехословакии русских эмигрантов и их потомков предпочло на время или навсегда мимикрировать, слившись с чешским населением. В любом случае, 1945 год стал фатальным для первой волны русской эмиграции и это отразилось в полном названии книги. Но последняя глава повествует о дне сегодняшнем — в ней отразились переоценки событий, глубокие мысли и дела тех, кто является наследниками лучших традиций русской эмиграции в Чехии.

Как справедливо отмечено в предисловии, «авторы, работавшие над этой книгой, попытались выразить в ней свое безмерное уважение к тем, кто, лишившись родины, оказался способным не потерять себя, работать, думать, творить, жить и беречь в своей душе все лучшее, что впитали они в себя из русской культуры». Герои для очерков отбирались отнюдь не по степени драматичности конфликта с советским государством, а по наличию заслуг в области профессиональной или общественной деятельности, поэтому невозможно говорить о предвзятости редакторов, намеренно нагнетавших негативное представление о судьбах русских в Чехословакии первой половины ушедшего века. И невозможно было писать о деятельности представителей первой волны русской эмиграции без упоминания о том, как расправились с ними советские органы. Эти факты и есть правда книги «Дом в изгнании».

Казалось бы, что может быть плохого в издании этого сборника очерков? Понятие «антисоветская литература» (чем действительно является эта книга) осталось в далеких 80-х годах, в России открываются ранее засекреченные архивы, в стране, по крайней мере, внешне, есть свобода слова и печати... Но «Дом в изгнании» не устроил государственных чиновников. Как в плохом фильме, за день до сдачи в типографию готовых файлов книги, представитель посольства РФ в Чешской Республике атташе по культуре Александр Михайлович Письменный приехал в редакцию с неприятной миссией: посольство передумало финансировать книгу по

трем причинам: название книги «Дом в изгнании» должно быть заменено на «Русские в Чехии», очерк об армии генерала Андрея Власова снят, т.к. официальная Россия считает Власова и его армию предателями родины, а так же снят очерк об арестах эмигрантов в 1945 году. Финансирование МИДа было отозвано, а авторам было разослано письмо, где объявляется, что их труды не будут опубликованы по их собственной вине: за попытку влить большую ложку дегтя в «автобиографию и одновременно визитную карточку всех соотечественников» — а именно этим должны стать книги из МИДовской серии.

Если отказаться от мысли, что этот конфликт — результат «самодеятельности на местах» и перестраховки чиновников, то можно подумать, что Россия создает по-геббельсовски грандиозный пропагандистский проект, намереваясь отмыть репутацию советского режима.

Условием выхода книги «Дом в изгнании» стала жесткая цензура, предложенная теми же чиновниками. С чем, разумеется, авторский и редакторский коллектив не мог согласиться. Всю ответственность перед авторами и героями книги взяла на себя организация «Русская традиция», профинансировавшая издание книги, к чему подключились ряд частных лиц и коммерческих предприятий, за что «Русская традиция» им безмерно благодарна. Из книги было снято предисловие министра иностранных дел РФ Сергея Лаврова. В остальном никаких изменений. Мы гордимся тем, что смогли издать эту честную книгу.

Елена Кваскова

«Лучшая поэзия — молчание...»

Отец Роман — автор известных в России и за её пределами духовных песен и стихов, которые привели к Храму много интеллигенции. Издано восемь поэтических сборников иеромонаха Романа. Последние семь лет отец Роман хранит молчание, живя в скиту, и, продолжая писать только духовные стихи.

Семь лет иеромонах Роман молчал, затворившись в своём скиту на Псковщине, отделённый лесами, болотами и рекой от человеческого жилья. А замолчал он после своего Дня Ангела в Покров Божией Матери. На письменные вопросы редких паломников, отвечал короткой запиской. Что это — обет молчания? Никто не знал. Только года за полтора до кончины знаменитого старца отца Николая с острова Залита, батюшка обронил, будучи последний раз у нас в Москве: «Я со Старцем простился. Он меня отпустил, чтобы дальше сам шел...»

Многие годы отец Роман окормлял нашу семью, направляя её жизнь: мы нередко ездили к нему в приходы, где он служил, изредка он навещал нас, сначала в Екатеринбурге, где мы тогда работали, а потом — в Москве. Он склонил нас с мужем к венчанию: «В блуде живёте!» — говорил. В венчанном браке родился у нас поздний сын, ставший юным композитором — не иначе как молитвами батюшки. А началось наше общение лет 20 назад...

Во мраке подземелья таинственно мерцали свечи, выхватывая из тьмы лики святых подвижников, отбрасывая тени на стеклянные раки с их нетленными мощами. В маленькой келье, залитой светом множества свечей, в прозрачных сосудах виднелись отчетливо, ошеломляя этой своей отчетливостью и непостижимостью чуда, «мироточивые главы» угодников Божьих. Едва уловимый слабый аромат палой розы исходил от них... Неведомый нам, светским людям, таинственный мир монашеской жизни.

«Бог гордым противится!» — сказал отец Роман, принимая мою неумелую исповедь. Это было в Дальних пещерах Киево-Печерской лавры, где он нес послушание «пещерника», будучи насельником мужского Свято-Успенского монастыря, а мы снимали документальный фильм к 1000-летию Крещения Руси.

«Духовные песнопения слышали?» — неожиданно спросил он при свете дня наверху. «Да нет, не те, что поются в храме». И вскоре вынес из братского корпуса какой-то предмет, укутанный в шаль. Это оказался обычный магнитофон. Все выходные я провела, слушая 45 песнопений отца Романа — грустных, протяжных и протяжённых, как русская равнина, похожих то ли на исповедь, то ли на плач и славу одновременно — пронзительных в своей открытой исповедальности, в истовости веры, наполняющих сердце очистительными слезами и светом. Услышанное потрясло меня. И, конечно же, фильм не мог не измениться — иеромонах Роман стал его

героем, а стержнем ленты — песня «Радость моя», давшая название нашему фильму.

Обычно документальное кино не слишком популярно у зрителей. Тем не менее фильм «Радость моя» не оставлял равнодушных, особенно притягивала людей острая фигура отца Романа. Даже яркая личность академика Дмитрия Лихачева не могла противостоять загадочному монаху. Фильм показывался в Петербурге, Киеве, Пскове, Москве — и везде люди расспрашивали меня об отце Романе — как он, где он и как же достать его песни?

Вспоминается наш отъезд из Лавры после съёмок. Отец Роман передал, что болен или просто не захотел выходить из кельи. Проведать монаха в его жилище, даже больного, в монастыре невозможно. Тяжело было покинуть монастырь без благословения — мы понемногу начали «воцерковляться»...

Жизнь в монашеском «общезитии» представляется мне очень сложной — десятки разных человеческих характеров, воля, иногда талантов, должны сосуществовать в братской любви, проводя время в неустанной молитве и труде, подчиняясь строгому монастырскому уставу и единой воле отца-наместника монастыря. Случилось так, что вскоре после выхода картины иеромонах Роман покинул обитель и оказался на одном из псковских приходов. Известность его как песнопевца росла, песни-псалмы расходились по стране, помогая многим найти дорогу к Храму...

Мне довелось быть первым издателем духовных песнопений отца Романа. Во время съёмок фильма удалось вывезти батюшку из монастыря в Москву, по благословению отца-наместника Лавры, тогда архимандрита Ионафана. На студии Горького я записала 45 песен иеромонаха Романа, часть из них вошла впоследствии в двойной альбом пластинок под названием «Раскрою я Псалтырь Святую...». Этот альбом был издан по благословению архиепископа Екатеринбургского и Верхотурского Мелхиседека. Остальные песнопения я включила в альбом из трёх аудиокассет: «Прибит на Крест моей неправдой», «Христос рождается, славите!» и «Радость моя».

Помню золото кленовых листьев на Псковщине... Старый погост, медленно кружатся листья, падая на землю, на скамью, куда батюшка выносит из сторожки только что написанные им иконы... Тишина среди вековых сосен, слабое журчание родника за кладбищем да легкий шорох листьев, покой пронизанного солнцем осеннего дня... Лучшего времени жизни, пожалуй, и не припомнить...

Служба в храме на приходе долгая, стекается народ с окрестных деревень, после службы — еще крестины, отпевания — разные требы, ведь батюшка-то один, да и поговорить людям с ним хочется — так проходят выходные и праздники. В будние дни он служит на рассвете — вижу полумрак домового хра-

03/2009

ма, зима, потрескивает огонь в печке — это уже другой приход в Псковской области — вычитывая, приходится держать свечу у самого молитвослова, в окошке едва брезжит серый свет. Батюшка возглашает — мелодичным певческим своим голосом, голос этот знает теперь вся воцерковляющаяся Россия...

Вспоминается январская ночь накануне Рождественского сочельника. Иду, оскальзываясь, узенькой тропкой, а то и по снежной целине, из деревни в Кярово, где храм и сторожка батюшки, везу короб с овощами — дали сердобольные матушки. В сторожке надо прибраться и еду приготовить — он будет утром из Питера, выехал — кого-то из близких отпеть... Страшно мне — филин ухаёт на кладбище, но небо в звездах, да и луна светит...

Иеромонах Роман — странник по натуре... Всплывает видение — вот идет он в белой рубахе, в надвинутой на глаза скуфье, по высокому разнотравью, качаются колосья — в руке дорожный посох... Он всегда ходит в монашеском одеянии — чаще в черном — «по своей Земле иду» — говорит.

Что же гонит его по Земле? Трудно сказать какая сила влечет его в путь — желание помочь людям, нуждающимся в совете, тяжесть одиночества или недовольство собой и вечный поиск истины? А может быть, просто свойственная творческим натурам «охота к перемене мест» или назойливость «паломниц», которых по мере роста его поэтической славы становится все больше?

Мне кажется, всякий поэт, как правило, ощущает себя центром Вселенной, для него естественно ставить свой внутренний мир превыше всего, — он выражает себя в творчестве. Не то — отец Роман, ведь он не только поэт, а еще и монах. Столкновение или соединение этих двух начал в одной личности особенно драматично.

Как, наверное, трудно поэту отрешиться от своего я, от «гордыни»! «Не самовыражаться надо, а воцерковляться», — говорил отец Роман. Всем нам свойственно злословие, свои же слабости признать никогда не хочется — оправдываешь обычно себя, обвиняя ближних. «Всяк человек — ложь» — вспоминаются слова Писания, которые часто любил повторять отец Роман. Думаю, особая сила его природы в том, как раз, что он свои недостатки — грехи — ясно видит, о них скорбит. Весь путь его представляется мне трагической борьбой высоко одаренного человека, большого поэта, с его человеческим естеством и этого естества человеческого — преодолением. «Бог гордым противится» — основной рефрен его жизни-борьбы. Смирить гордыню, укротив человеческое естество — как это непросто, говорят, что и святым старцам это удается лишь в конце пути...

Характер отца Романа бескомпромиссен. Сегодняшнего облика России, мира цинизма и наживы поэт-монах не принимает. Не такой хочет видеть он Родину.

*Без Бога — нация толта,
объединенная пороком.*

*Или слепа, или тупа,
иль, что еще страшней, жестока.*

Он хотел бы видеть Россию Святой Русью, в поисках истины отправляется он в воюющую Сербию, не опасаясь попасть под обстрел в Косово:

Помочь близким по духу страдающим людям, поддержать их своими стихами-песнями — и действительно помог, сколько сербских монастырей и приходов обошел, скольких людей поддержал своей верой... И ехали к отцу Роману паломники из Сербии, Греции, Польши, Молдавии, с Украины, даже из Америки, не говоря уж о наших, российских. Батюшка принимал всех: «а вдруг не открою Христу?» — говорил.

Злые языки судачили о нем — что это за монах с гитарой! — Но ведь еще в Псалтири сказано: «Хвалите Господа во струнах и органе...» Именно служением иеромонаха Романа, особой формой проповеди считал его песнопения особо почитаемый верующими людьми старец отец Николай с острова Залита, благословляя своего духовного сына на это делание.

«Такое родное имя» — отозвался об отце Романи, предвзято его сборник стихов, писатель Валентин Распутин. В России издано уже восемь книг монашеского поэта. Песнопения иеромонаха Романа, по признанию писателя, «навсегда вошли в то русское духовное и культурное «избранное», в котором искал я утешения и возбуждения, когда требовалось в одиночестве от себя, от своего «Я», перейти к России». Думается, именно бескомпромиссность и преодоление себя — отсечь соблазн славой — заставили отца Романа выйти из состава Союза писателей (в псковском отделении), отказаться от литературной премии журнала «Наш современник» и от премии «АЛРОС-СА». «Жить во славу Божию, а не в свою славу» — не каждый поэт задает себе такую меру...

И вместе с тем, мне кажется, в нем уживается рядом с «отцовством» некая неприспособленность к мирской жизни и «детский» максимализм. Наверное, это естественно для монашеского — незнание мира. Он порывисто искренен, крут даже — нрав у него от природы нелегкий.

Сколько камней перетаскано было «на послушании» по обустройству скита, сколько ям выкопано при установке изгороди (защиты от диких кабанов), при постройке избушки — кельи, где он теперь один живет, как вручную углубляли устье реки, чтобы лодка могла приставать к берегу! А чистка отхожего места? А мышеловка, полная крыс, которых так панически боится наш женский род? — всех работ и не перечислишь. Так шла проверка на прочность, слабые личности не задерживались...

Однажды я примчалась к нему из Москвы — моя мать была при смерти. Дня через два отец Роман уже был у неё в больнице — первые исповедь и причастие. Всех в палате иконками одарил, всех благословил. Не забуду тихих слез своей матери, как сумел он раскрыть душу старой женщины, не знавшей Бога в нашей советской действительности, как облегчил ей предстоящий уход из жизни...

Рукописи духовных стихов иеромонаха Романа хранятся в Пушкинском Доме в Петербурге. Заслуга ли это академика Лихачева? Не знаю, но я рада, что волей судеб они встретились в моем фильме.

Иеромонах Роман, по здоровью, — за штатом. Он живет в скиту, где может свободно вести монашеский образ жизни и писать стихи...

Храм — часовня в скиту строилась всем миром. И спонсор православный нашелся, и рабочие, и паломники, и сам иеромонах руководил строительством, вникая во все детали устройства будущего храма. Запрестольный крест резали в Молдавии, врата — в Белоруссии, везли по воде. Иконостас отец Роман собственноручно расписывает. Но всё это совершается теперь в безмолвии, в тишине...

Когда же истечёт срок его молчания? Говорят в народе: «человек предполагает, а Господь располагает». Люди молятся, надеясь, что заговорит батюшка подобно Роману — Сладкопевцу, чьё монашеское имя он носит, обретшему дар речи под святым покровом Божией Матери.

Предпоследняя, восьмая книга духовной поэзии отца Романа, вышла не так давно. Она написана в безмолвии и называется «Радоваться небу». Может быть, именно этот дар духовной речи, так отличающейся от пустой человеческой болтовни, и обрёл иеромонах Роман под покровом Богородицы и отшлифовал до высот в молчании? Недавно вышла девятая его книга...

Видится мне лодка на узкой извилистой ленте реки... Одинокая фигура гребца в черном одеянии, затерянная в пространстве болот... Тихие всплески весел. Удаляется гребец, превращаясь в тёмную точку, теряющуюся вдаль...

На днях, в преддверии светлого праздника Рождества Христова дошла из тех дальних мест радостная весть! Кончилось безмолвие...

Наверное, тяжёлая это ноша — провести 7 лет в молчании. Думается, не всякому монаху она по силам. Но зато — каковы духовные плоды этого подвига! Быть может, в тишине шла подготовка к новому служению?

ПО СЛЕДАМ НАШИХ ПУБЛИКАЦИЙ

А. Тараненко

Порт-Артур

В журнале «Посев» (№4, 2007 г.) опубликована статья Алексея Иванецкого «Я служил в Порт-Артуре», — о безобразиях, случившихся с памятными местами русско-японской войны 1904–1905 годов. А у меня собрался по Порт-Артуру материал, удивительным образом дополняющий статью Иванецкого. Правильнее сказать, — хронологически предваряющий его статью. Предлагаю её вниманию читателей «Посева».

Абдашев

Журнал «Родная Кубань» (№ 3, 1998 г.) опубликовал главу «Порт-Артур», с дорожными впечатлениями из книги «Моление о чаше» Юрия Абдашева, харбинского эмигранта-подростка, побывавшего в этом городе за 8 лет до Второй мировой войны, служившего потом адъютантом командующего артиллерией Кубанского военного округа генерал-лейтенанта Шереметова.

Абдашев писал, что Музей Порт-Артурской обороны был главной достопримечательностью города. Одноэтажное, вполне капитальное здание, с лепниной, располагалось на пересечении двух улиц, с парадным входом на углу. Тут было много иностранных туристов, обвешанных фотоаппаратами и биноклями. У подъезда красовалась бронзовая доска

с названием музея на трех языках — японском, русском и английском. Уже с порога музей встречал двумя превосходными портретами бывших противников, прославленных адмиралов Макарова и Того, азиатского Нельсона, как его окрестили на Западе. Портреты были одного размера, их тяжелые багетовые рамы украшали традиционные на Юго-Востоке живые гирлянды цветов. Под каждым портретом — медная табличка и ваза со свежими цветами.

В правом зале висели портреты русских и японских генералов — участников боев за крепость. Все они были единого формата и располагались в один общий ряд. Явное преимущество отдавалось только генералу Кондратенко. Его портрет занимал особо почетное место и был написан так искусно и живо, что, казалось, можно разглядеть крученые золотые нити на генеральских погонах. Создавалось впечатление, будто музей был основан и содержался русскими. Но он с самого начала принадлежал японцам. Их рыцарское отношение к мужеству вчерашних противников было просто поразительным. Тут же за стеклом витрины висел полевой мундир Кондратенко, его сабля в простых потертых ножнах и даже личные вещи. Рядом висели образцы обмундирования и экипировки солдат некогда враждебных сторон.

В следующем зале свисали наклонно со стен обожженные, пробитые осколками и выцветшие знамена с обтрепанными краями, а в стеклянных лакированных шкафах были выставлены боевые ордена,

* Автор — подполковник в отставке, краевед. Ст. Роговская, Кубань.

медали и прочие реликвии. Среди многих тонн железного лома, состоящего из рогатых морских мин, всякого рода стрелкового и артиллерийского оружия и прочих атрибутов военного музея, особо выделялся громадный бетонобойный снаряд и почерневшая от запекшейся крови некогда белая гимнастерка русского солдата. Поблизости висела окровавленная покоробившаяся куртка японского пехотинца и пробитая пулей ряса православного священника.

Дорога ко второму бастиону, — форту Кондратенко, — вилась серпантинном по склонам сопков. На плоской вершине живописной скалы располагалась небольшая смотровая площадка, центр которой был огорожен провисающей корабельной цепью, закрепленной на гранитных тумбах. Специальная табличка извещала, что на этом месте от осколка японского снаряда 2-го декабря 1904 года пал смертью храбрых начальник сухопутной обороны крепости генерал-лейтенант Роман Кондратенко. Сохранились траншеи и мощные стены подземных галерей. Эта система обороны создавалась после 1898 года талантливым военным инженером полковником Величко. Поэтому русские потеряли здесь 27 тысяч человек, а японцы — 112 тысяч.

По дороге на Орлиное гнездо были врытые наполовину в землю фортификационные сооружения с железобетонными стенами толщиной не менее полутора метров. Местами они были проломлены снарядами осадных орудий большой мощности, скорее всего, 11-дюймовых гаубиц, бывших на вооружении японской армии. По полутемным подземным казематам бродили группы притихших иностранных туристов с подавленным видом. Вершину Орлиное гнездо венчал колоссальный размеров памятник из темного бетона в виде артиллерийского снаряда с гильзой. Его тоже окружали толстые цепи, а табличка поясняла, что здесь держала оборону защитники третьего редута (или форта).

С площадки Орлиного гнезда открывался потрясающий вид на бухту, бастионы Белого волка — ближайшего редута, на полуостров Тигровый хвост и знаменитый Электрический утёс, где располагалась главная крепостная артиллерия, прикрывавшая базу со стороны открытого моря.

Русское военное кладбище Абдашева поразило тем, что даже у себя на родине он ни разу не встречал отеческих погостов, даже мемориальных, которые содержались бы в таком идеальном порядке. И это через столько лет после окончания войны. Здесь лежали все, кто погиб при обороне Порт-Артура: многие тысячи солдат и офицеров покоились в братских могилах под дерном зелёных курганов с высокими гранитными или мраморными крестами. И всюду таблички с поименным перечислением всех, кто нашел упокоение под этим холмом.

Центральная аллея, выстланная укатанным красным песком, выводила к часовне с позолоченным православным крестом. На задней и боковых стенах часовни, в неглубоких нишах, были мозаичные панно, выполненные с большим мастерством и изобра-

жавшие батальные сцены. Запоминались глаза смертельно раненого солдата, в последнем порыве протянувшего руку к парящей над полем боя фигуре Христа-Спасителя. Над входом в часовню, которую можно было бы скорее назвать памятником, по арочному своду выпуклыми золотыми буквами, стилизованными под славянскую кириллицу, вилась надпись: «Русским героям от японских самураев».

Всё здесь было отмечено печатью какого-то внутреннего благородства по отношению к поверженному противнику. Эта широта души чувствовалась не только в ухоженности могил и подновляемых надписях, она просто витала в воздухе. Это был не показной жест, а внутренняя, естественная потребность. Рассказывают, что могилы русских пленных, в свое время умерших в Японии от ран, до сего дня содержатся там в таком же безупречном виде, как и 90 лет тому назад, а местные жители постоянно приносят к ним свежие цветы.

И как тут было не вспомнить недобрим словом наших соотечественников, разворовавших каменные надгробья с японских кладбищ на острове Кунашир и пустивших их в дело как строительный материал для возведения фундаментов и мощения дорог. А многие захоронения погибших в сталинских лагерях японских военнопленных и до сей поры разыскать не могут, как ни просят об этом их родственники, столько лет славшие нам посылки с гуманитарной помощью и с бесплатным оборудованием для детских больниц.

А в Порт-Артуре вдоль кладбищенских дорожек были высажены пестрые маргаритки. Отделенные от аллеи шпалерами аккуратно подстриженных кустиков барбариса тянулись строгими рядами одиночные могилы российского воинства, по преимуществу офицеров. Одинаковые полированные плиты надгробий и кресты с высеченными на них именами и воинскими званиями были отлиты из бетона, перемешанного с черной гранитной крошкой. Могил было так много, что не охватить взглядом. Не было только захоронений тех пяти с лишним тысяч моряков, что погибли в морских сражениях. На крепчайшем бетоне гладкой могильной плиты какого-то прапорщика чем-то острым было выцарапано всего пять слов, полустертых непогодой и временем: «Любимый, я дошла до тебя»...

Мягков

В эмигрантском журнале «Кавказский казак» (№ 145, 1939 г.), издававшемся в Белграде Кубанской Канцелярией, есть статья кубанского казака Мягкова «Платовцы за океаном», — о турне сборного Донского казачьего хора Кострюкова по Африке, Азии и Америке. Часть той статьи касается посещения хором в ноябре 1938 года Порт-Артура и находящегося там русского кладбища:

«Вот Русские могилы славных защитников Порт-Артура, вот они высоты, обильно политые Русской кровью! На главном кладбище собраны и похоронены в братских могилах десятки тысяч русских сол-

дат, казаков и офицеров. Имеется маленькая часовня освященная во имя Св. Равноапостольного Кн. Владимира, при ней небольшая комнатка для присматривающего за могилами иеромонаха. Над входом в часовню мозаичный образ Богоматери и надпись — «Покой, Господи, души усопших рабов твоих».

В стороне величественный памятник, построенный Японским Правительством в 1907 г. с надписью по-русски «Здесь покоятся бранные останки доблестных русских воинов, павших при защите ими крепости Порт-Артур». Вообще нужно правду сказать, японцы много положили труда и забот, чтобы сохранить русские могилы от упадка и от китайского грабежа, китайцы воровали кресты, чугунные плиты, кирпичи, — за это воровство расстрелы мало помогали. К сожалению, мы не застали дома отца иеромонаха. Строем вошли в кладбище и стали у главного памятника, построенного Русским Императорским Правительством в 1912 г. из гранита и белого мрамора с надписью «Вечная память доблестным защитникам Порт-Артура 1904–1905 гг.». «На молитву шапки долой» — подал команду наш дирижер Николай Федорович Кострюков и трогательные, молитвенные звуки «Вечной памяти» полились по пустынному кладбищу. На глазах у нас слезы. Расписались в книге посетителей, осмотрели кладбище и с грустью покинули родные могилы. На обратном пути посетили японское военное кладбище и здесь пели тоже «Вечная память»».

Коллегаев

А у меня года 3–4 лежат, всё пополняемые, записи бесед с жителем станицы Роговской, майором в отставке Коллегаевым Семёном Ивановичем, фронтовиком, закончившим войну в Порт-Артуре. Ему пришлось пережить и кубанский голод 1932–1933 года, и горькое лейтенантское начало в 1941-м в составе 501 стрелкового полка 162-й СД (стрелковой дивизии), окружение и плен на Смоленщине. Когда в лагере военнопленных у Гродно от 14 тысяч к весне 1942-го в живых осталось человек 400, — вынужденная учёба в абверовской школе Сулеёвек под Варшавой. Потом продолжение битвы с немцами на «Голубой линии», участие в операции «Багратион», командир 174-го СП написал статью о его боевых отличиях в газете 20-й СД. В конце декабря 1944 года при дневной атаке штрафников в Восточной Пруссии под Грюнвальдом, у деревни Юценен, без артогня, дабы не демаскировать позиции пушек, он, командир минометной роты, поддерживая штрафников минометным огнем, при переводе НП вслед за наступающими, получил тяжелое ранение крупным осколком бризантной гранаты. После большой кровопотери из-за разрыва селезёнки, плевры и диафрагмы, чудом остался жив, вытасканный ночью от немецких траншей штрафниками, не сумевшими закрепиться на взятых у немцев позициях. Далее — война с Японией в составе 119 стрелкового Выборгского Краснознаменного полка 358-й Ленинградской Хинганской Краснознаменной ордена Суворова дивизии, после

чего ему присвоили капитана, и недолгая — из-за запоздалого смершевского ареста осенью 1946 года — послевоенная служба на Ляодунском полуострове в составе 39-й армии Людникова. И 10 лет Колымы «за измену Родине», с лишением трех боевых орденов и двух медалей, с занесением в апреле 1956 года в Книгу Почета касситеритового рудника «Галимый» ОмГПУ Дальстроя «За достигнутые высокие показатели в социалистическом соревновании».

Солагерниками Семёна Ивановича по Колыме были: академик Меркулов, страдавший от глумлений уголовников, двоюродный брат известного «грозного» министра госбезопасности; поэт Борис Агатов, автор известной песни «Темная ночь», часто исполняемой, но так ни разу никем из певцов и не упомянутый, что погиб он после жестоких побоев ВОХРы за демонстративный «побег» от безысходности; известный довоенный донбасский поэт Михаил Голодный, стихи которого публиковались в годы войны в центральных газетах; известный когда-то своим мастерством армянский профессор-хирург Аванесян и многие-многие другие. Реабилитировали Семёна Ивановича в 1965 году, его жизненные повествования и стихи, — драматичные и правдивые, — требуют отдельной большой публикации. Сейчас же я приведу лишь его воспоминания о памятных русских местах Порт-Артура, впечатляюще укладывающиеся хронологически между приведенными выше статьями.

В Порт-Артур Семён Иванович впервые попал с г. Дайрена на сборы командиров рот 39-й армии: лекции, показ техники, стрельбы из личного оружия и минометов, в том числе различных систем «Катюш». В конце сборов им организовали поездку по историческим местам русско-японской войны 1904–1905 годов, экскурсоводом был симпатичный, эрудированный майор из политотдела армии. Не лишённый чувства юмора, майор, объясняя политическую обстановку, говорил, что англичане «лепездят» перед американцами. Офицеров больше всего поразило, как бережно сохранили японцы всё, что напоминало былые сражения: везде были пояснительные надписи, к историческим местам вели ухоженные дорожки, и никакого намека на унижение русских, проигравших ту войну. Наоборот, подчеркивалась хвала русскому оружию и русским воинам: «Здесь доблестно сражались русские солдаты, отбивая атаки японской армии...», «Здесь, не щадя себя, русские солдаты стояли насмерть до последнего солдата...» и т.п. Это выглядело резким диссонансом с нашим отношением к только что поверженной Германии и Японии.

Город Порт-Артур кольцом опоясывает круглую бухту, весьма удобную для базирования кораблей. При отливах чуть ли не половина бухты оголялась, и китайцы собирали тогда по мелководьям водоросли и всякую морскую живность. Позже, в период службы в городе, и Семёну Ивановичу приходилось перебираться в отлив с южной части города не вокругую, а, для экономии времени, сняв сапоги, вброд по мелководью бухты наискосок, где к югу от города

03/2009

строился тогда УР. С Жёлтым морем бухту соединяет узкий проход. В море, недалеко от входа в бухту, метрах в 300 от берега виднелся памятный плавающий маячок на месте гибели 31 марта 1904 года подорвавшегося на mine флагманского корабля — броненосца «Петропавловск» с адмиралом Макаровым и известным художником-баталистом Верещагиным.

С северо-восточной части вход в бухту защищали пушки Электрического утёса, круто возвышающегося над морем почти 200-метровой отвесной стеной. Пушек было 3–4, калибра 350–400 миллиметров. С арсенала в скале снаряды подавались на боевые позиции по подвесным рельсам. Японцы оставили даже один снаряд висящим на рельсе. Своё название утёс получил после установки русскими моряками там мощного, диаметром в полметра, прожектора, освещающего подступы к входу в бухту. В 1946-м этот прожектор стоял на своём месте. За Электрическим утёсом — Золотая гора, полого спускающаяся к бухте. На этой горе японцы оставили дальнобойные русские орудия, огромного калибра, но с примитивной шестерёнчатой системой ручного наведения. В 1946-м шестерёнки ещё крутились.

Музей располагался в северо-восточной части города. В нём были представлены образцы русского и японского оружия, военной формы, боеприпасы, санитарные повозки и прочее, с пояснительными табличками. наших офицеров удивило большое, нарисованное во всю стену панно, встречавшее посетителей на лестнице, над портретами адмиралов Макарова и Того: огромный русский солдат в белой гимнастёрке, белой бескозырке с красным околышем, держащий в руках винтовку с наколотыми на штык несколькими японскими солдатами. Сюжет — явно из того ещё российского пропагандистского арсенала, но по-японски и по-английски внизу картины было написано примерно следующее: «Смотрите, какие они сильные, смотрите, какие они смелые... Но мы их победили!».

На северо-запад, почти в центре города, в километре от бухты располагалась пологая Перепелиная гора, на скате которой был дворец — штаб российского наместника царя Алексеева. А на вершине горы японцы установили весьма оригинальный каменный памятник в честь победы над русскими, в виде артиллерийского снаряда высотой 53 метра. Ведь победу там во многом и предопределило превосходство японской артиллерии над российской. Внутри «снаряда» — винтовая лестница, несколько окон, закруглённых сверху, высотой с метр, шириной сантиметров 40, и круговая смотровая площадка наверху, с прекрасной панорамой. Этот памятник посетило очень много русских, оставляя на стенах свои подписи. Семён Иванович тоже выцарапал на верхотуре свою фамилию. Видать, Абдашев по малолетству перепутал название горы с этим памятником, указав Орлиное Гнездо.

К юго-западу от бухты, километрах в двух за городом, находилось русское военное кладбище. Сразу у входа, в северной части, стояла часовня с иконой,

а рядом — сторожка. Огороженное кладбище, дорожки, могилы с крестами выглядели ухоженными, но уже начинало проявляться наше, советское, отношение к павшим, — у входа, возле сторожки, красноармейцы рубили дрова, чтобы на костре готовить себе еду. Майор-экскурсовод пояснил, что ранее за кладбищем ухаживал бывший полковник Белой армии, старичок, живший в этой сторожке, а теперь вместо него — наши солдаты. Кто-то из офицеров поинтересовался, куда делся тот бывший полковник, а экскурсовод ответил, что его взяли смершевцы. И когда кто-то простодушно спросил: «За что?», — майор с иронией ответил: «А чтобы узнать, кто у него был дедушка, и почему его бабушка была женщина!».

Напротив часовни стоял огромный, четырёхметровый, белый мраморный крест. Это был памятник от русского царя, и на кресте были золотые выбитые буквы с перечислением всех корпусов, дивизий, бригад и полков, участвовавших в Маньчжурских боях 1904–1905 годов. А на запад от этого креста, метрах в десяти, памятник из темно-серого мрамора, в виде стилизованной под пагоду колонны, установленный от императора Японии, с высеченными словами о немеркнувшей славе русского воинства. Для нашего ума, воспитанного по-советски, это было неслыханным явлением: впечатляющий памятник побежденным от победителей.

Далее на запад располагались аккуратные ряды могил русских воинов. А направо от входа, параллельно старым, появились уже свежие могилы советских военнослужащих: то трагически погибших, то отравившихся вонючим китайским самогоном из гаоляна, то убитых «в темных углах» китайцами. Здесь Семён Иванович неожиданно увидел могилу своего командира пулемётного взвода лейтенанта Банина Николая. Позже Семён Иванович написал его матери в Барнаул, что тот погиб на боевом посту смертью героя. А фактически Банин с командиром пулемётного взвода Машбицем связались с двумя японскими молодками, те повели их к себе, а там к ним заявила банда наших военнослужащих, переодетых под комендантский патруль, грабивших китайские рестораны, богачей, не щадивших и своих земляков. Офицеры послали патруль «подальше», т.к. их мог задерживать лишь офицерский патруль, но солдаты схватились за автоматы, а офицеры — за ТТ: Машбица они застрелили сразу, а выскочивший во двор Банин отстрелял обойму, но не попал, и они прошли его очередью с головы до ног. Позже сюда же похоронили и останки старшего лейтенанта Полянского, высокого и красивого командира пулемётной роты, убитого китайцами и закопанного в уголь, где паровозы чистили топку. За период недолгой службы Семёна Ивановича, на этом кладбище добавилось три ряда свежих могил.

С южной стороны над городом и бухтой круто возвышается сопка Орлиное Гнездо. На её вершину русские неизвестно как затащили пушку, которую японцы оставили на месте. На плато перед сопкой были русские позиции, за спиной которых был

блиндаж генерал-лейтенанта Кондратенко, руководившего сухопутной обороной Порт-Артура и погибшего здесь при японском артобстреле.

Перед блиндажом русские выкопали глубокую бетонированную канаву, шириной метра 4, длиной метров 300, упирающуюся краями в обрыв. Она считалась непреодолимым препятствием для японцев, позиции которых были, параллельно русским, метрах в 400, со стороны Волчьих гор. А японцы, чтобы сократить при атаке простреливаемое русскими расстояние, от своих позиций прорыли ряд траншей, сходящихся к блиндажу Кондратенко, приближаясь к нашим позициям и оставаясь неуязвимыми в своих траншеях. А потом выскакивали уже перед канавой: в атаку японские солдаты шли с заплечными мешками, набитыми травой, ветками, сеном, и, погибая, падали в канаву, постепенно заваливая её, чтобы остальные потом по их телам преодолели это препятствие.

На месте гибели Кондратенко японцы поставили ему памятник: закопанный одним концом в землю большой сферический кусок разорванного блиндажа (как воткнутый кусок яичной скорлупы) с обелиском в виде полутораметрового конуса на покато́й вершине. А вдали, у Волчьих гор, стоял трёхметровый монумент по погибшему там сыну Того.

Весьма интересны воспоминания Семёна Ивановича об особенностях той жизни.

В Харбине наши освободили пленных американских лётчиков. Американцы были все в шортах, здоровые ребята, и наши солдаты вызывали у них сильное удивление: не богатыри, оборванные, в обмотках. Один из лётчиков подарил Семёну Ивановичу семейное фото с женой и дочерью. Позже, после ареста, ему из-за этой фотографии досталось: американский агент, сознайся, где и когда встреча с этим американцем?

В городе Далянь 119-й СП охранял порт. Демонтировались заводы и арсеналы Мукдена, и пленные японцы работали на погрузке пароходов в СССР. Тяжелые ящики с оборудованием к пирсу подтаскивали танки, которые вскоре, сняв башни, переоборудовали под обычные тягачи, чтобы меньше было шума от иностранных корреспондентов. Японцев поселили в большом портовом складе. Были побеги. Их офицеры ходили, согласно договору о капитуляции, с орденами, медалями и холодным оружием. Тайком с некоторыми молодыми офицерами умудрялись жить на складе и их жены. У части японских офицеров в городе остались семьи, поэтому советские офицеры периодически водили их на несколько часов «домой», а потом опять возвращали в лагерь. Водил такого японца к семье и Семён Иванович.

В Фушуні работала ТЭЦ на угле, технический персонал на ней — японцы, и роте Семёна Ивановича пришлось охранять их на работе и по месту жительства от китайцев. А Семён Иванович, прожив с японцами более года, запомнил их вежливыми, честными и трудолюбивыми людьми. Ни одного нашего там японцы после войны не убили, а вот ки-

тайцы, бывало, убивали своих освободителей и раздевали догола. Как-то он разговорился с молодой красивой японкой, и та рассказала ему, что русские солдаты кажутся им на одно лицо, Красную армию они боялись, и перед её приходом она надела на себя от страха 6 штанов. А Семён Иванович сказал, что на наш взгляд — все японцы на одно лицо, и посмеялся по поводу её «спецащиты»: Берлин вон как немцы хорошо укрепили, а наши всё равно его взяли, и что по сравнению с этим её шесть штанов?

Потом у Семёна Ивановича была служба в Дайрене. Летом 1946-го в центре этого города силами 39-й армии был установлен памятник в честь победы над Японией, — каменный монумент, высотой метров 10–15. На его открытии присутствовало много русских эмигрантов, радостно кричавших слова приветствия Красной армии. Генерал Людников на тренировках заметил отлично марширующего капитана Колегаева и поставил его правофланговым направляющим «коробки» 16х16. Русские эмигрантки были там «без ума» от красивого, стройного, черноусого генерала Людникова. Семёну Ивановичу довелось быть на приёме у него, и он запомнил его тактичным, вежливым. А памятник этот, по слухам, в годы «культурной революции» хунвэйбиновцами был разрушен.

В Дайрене 358-ю СД расформировали, и Семён Иванович попал в 25-ю пулемётно-артиллерийскую бригаду, в Порт-Артур, перспективного молодого офицера уговаривали поступать в военную академию.

При японцах, кто из наших эмигрантов зарегистрировался в их миссии, получал рис, мясо, но не все они шли на учёт, т.к. японцы старались использовать подкармливаемых для различных заданий. А кто не становился на учёт — жил беднее, питаясь больше гаоляном. Из-за дефицита русских женихов, русские невесты вынуждены были выходить замуж за японцев, китайцев, и неплохой удачей у них считался брак с евреями. Кто имел устойчивую работу, материально жил неплохо, сохраняя русский дух. Многих кормила КВЖД и её ответвление на Ляодунский полуостров.

Советская власть агитировала эмигрантов возвращаться в СССР, и они, грузясь в Дайрене на пароход «Степан Разин», радовались, что отплывают на Родину, прощаясь с провожающими соплеменниками. Но, похоже, «Степан Разин» больше обслуживал НКВД: много эмигрантов оказалось вскоре лагерниками Колымы, да и партии арестованных советских военнотружеников доставляли «домой» этим же «спецпароходом».

В Дайрене было три ресторана: японский, русский и китайский. В японском — красивые девочки-японки, приезжающие сюда на заработки по пятилетним контрактам, чтобы поднакопить капитал и выйти замуж, желательно за военного. Они привлекали посетителей в ресторан как танцовщицы и работали проститутками: заказываешь стол, а официант спрашивает, не нужно ли дам. Прино-

сит альбом с фотографиями, где указаны номера их кабинетов, а если кто занят, то фото было закрыто. Кто заказывал «девичек» — поднимался на второй этаж, а там санитар просил показать свое «хозяйство» и вводил в член шприцом какое-то лекарство. И в кабинете душ, поэтому гигиена соблюдалась.

Но советское командование проституцию приказало закрыть, а куда «девушкам» деваться? Они пошли зарабатывать себе на хлеб по кустам, а шустрые китайцы стали прибирать их к себе, пристраивая халабуды под «номера». И за 400 юаней развели подпольную проституцию, кормя японок лишь супом из гаоляна. Пошли венерические болезни, в том числе и среди наших военнослужащих. Комендатура стала вылавливать японок и сажать в порту на баржу, солдаты там их кормили, а те просились на берег. Но через какое-то время баржа исчезла: поговаривали, что её вывели в море и утопили.

Нашим военнослужащим связь с эмигрантами не разрешалась, нарушители брались «на заметку», но неофициально офицеры с интересом ходили к эмигрантам в гости, разъезжая по городу на велосипедах. Русские эмигранты, среди которых было много старых офицеров, относились к советским военнослужащим хорошо. Девушки назначали молодым офицерам свидания и, не зная наших порядков, удивлялись, почему «мистер», очарованный своим поведением дома в гостях, шарахается от неё на улице. Бывшие офицеры-капеллевы, если не встречали косых взглядов, пожимали советским офицерам руки, целовали их погоны, объясняя, что Россия возрождается: ведь в Гражданскую им, бывало, красные приколачивали эти погоны к плечам гвоздями.

Атаман Семёнов нашим спецдесантом был арестован, а его дети — две дочери и хромой сын — остались там. Майоры-смершевы развлекались с его дочерьми, раскатывая по городу. Население Порт-Артура — китайцы, русские, японцы. Пельмени делались большие, с капустой и мясом. Впервые там Семён Иванович попробовал горячее пиво, гревшееся в фарфоровых чайниках на плите. Неплохой закуской к такому пиву оказалось отварное сало, которое подавали с салатом из свежей капусты и соусной приправы.

От себя добавлю

1. Правда, — насчет баржи с проститутками, — или нет, точнее, мне кажется, могут ответить самарские краеведы. Ведь в газете «Казачьи думы» (№ 46, август 1922 г.), выходившей в Софии, была заметка о том, что в Красной армии много венерических больных, а в Самаре среди солдат — повальный сифилис, потому что голодные женщины отдаются ради куска хлеба. Поступила команда красного командования собрать всех женщин с кожными заболеваниями: на улицах похватывали женщин с проявлениями любых кожных болезней, в том числе, с обычными прыщами, и на Волгу, а там прорубили длинную польню и несколько их тысяч расстреляли пулемётами. Причём, русские солдаты стрелять в женщин отказались, поэтому стреляли «китайцы и монголы».

2. Лейтенантскую службу я начал летом 1969 года в авиагарнизоне Романовка Приморского края. Супруга работала там завбиблиотекой в Доме офицеров флота. Довелось слышать воспоминания летчика-фронтовика Небесского о том, что до войны с приморских аэродромов специально планировали под субботы перелеты в Романовку, чтобы посетить танцы в этом величественном, известном на всю таёжную авиационную округу ДОФе. И в библиотеку этого ДОФа лётчики, покидая гарнизоны у Порт-Артура в 1955 году, перевезли не только книги, но и несколько старинных книжных шкафов с толстым стеклом и бронзовыми украшениями в виде грудастых дев. Старая работница библиотеки говорила, что шкафы — с «царско-российской» библиотеки Порт-Артура. Эти шкафы у многих ещё тогда вызывали антикварную зависть, и что случилось с ними в пору массовых сокращений армии и флота в 1990-е годы, не знаю. Жаль, если ушлые тыловики «приделали им ноги».

3. Врут, что в СССР секса не было. В мае 1979 года мне довелось быть начальником штаба эшелона в командировке за новобранцами в Кемерово. Разместившись в гостинице, на ужин спустились в ресторан, где ресторанные работники отмечали день рождения одной из своих начальниц. Подсевший к нам за стол администратор поинтересовался, не нужно ли нам дам, добавив: «Они все проверенные, с медкнижками. Три-пять-десять». Мы вежливо отказались, а начальник эшелона подполковник Король поинтересовался потом, что это он говорил: «Три-пять-десять»? Наш замполит оказался более эрудированным в этих делах и ответил, что это расценки дам в зависимости от возраста и красоты — три, пять или десять рублей.

4. Года 4 назад историк из Новороссийска на конференции «Мемориала» в Краснодаре говорил, что у них в городе после сибирских лагерей живет одна из дочерей атамана Семёнова.

5. Недавно отметили 200-летие Аустерлицкой битвы, с показом по ЦТВ театрализованных эпизодов того сражения. Говорят, мельком проскочило и изображение металлической доски аустерлицкого памятника доблести российским солдатам. А ведь Австрия тот памятник сохранила в целости, но Аустерлиц давно уже — чешский город Славков. Фотографию этого величественного памятника я отыскал в запасниках районного краеведческого музея у себя на родине, среди бумаг одного фронтовика, завершившего Вторую мировую в Австрии. Почему по ТВ показали одну лишь памятную доску? А где монумент? Что случилось с этим памятником в «подотчетной» ЦК КПСС Чехословакии, и что с ним теперь? Знакомый, посетивший ЧССР в составе советской делегации трудящихся, был в Славкове и говорит, что никакого монумента он не видел, а вот памятная доска на месте сражения запомнилась.

Писали, что ныне в Чехии возле Славкова построена американская радарная база ПРО. Воистину, горькая для нас усмешка госпожи Клио. А за чьи грехи такая ирония?